

ОГОНЁК
№ 18 АПРЕЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наш папа участвует в первомайском параде...

Фото Е. Тиханова.

На первой странице обложки: Фотоэтюд Н. Драчинского.

На последней странице обложки: Футбольный сезон 1956 года начался. Момент игры между командами «Спартак» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси) на тбилисском стадионе.

Фото В. Джейранова.

ОГОНЁК

№ 18 (1507) 1 МАЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Да здравствует 1 мая!

Товарищи,
с Первомаем!
С солнцем,
теплом,
цветеньем!
Мы нынешний Май встречаем
с особенным настроеньем:
все доблестней,
все сильнее
наша страна родная
от Волги до Енисея,
от Балтики до Алтая.
Все больше улыбок встречных
на вешних степных рассветах,
все больше друзей сердечных,
единой мечтой согретых.
Время, видать, приспело,
настала пора такая —
действуют люди смело,
на дружбу
весь мир скликая.
Как перелетные птицы,
пусть мчатся
вокруг планеты
через моря и границы
доброй поры приметы!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ПРЕБЫВАНИЕ В АНГЛИИ Н. А. БУЛГАНИНА

Посещение Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым Англии и переговоры между советскими и английскими руководителями в центре внимания всей мировой общественности.

Англичане оказали советским руководителям теплую встречу. Всюду, где появлялись Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев, раздавались дружеские приветствия в честь англо-советской дружбы.

Мы публикуем снимки из Англии нашего специального корреспондента Дм. Бальтерманца.

Жители Лондона выстроились вдоль пути следования советских руководителей.

В официальной резиденции Премьер-Министра Великобритании сэра Антони Идена. На снимке: Н. А. Булганин, А. Иден, Н. С. Хрущев и министр иностранных дел Англии Селвин Ллойд.

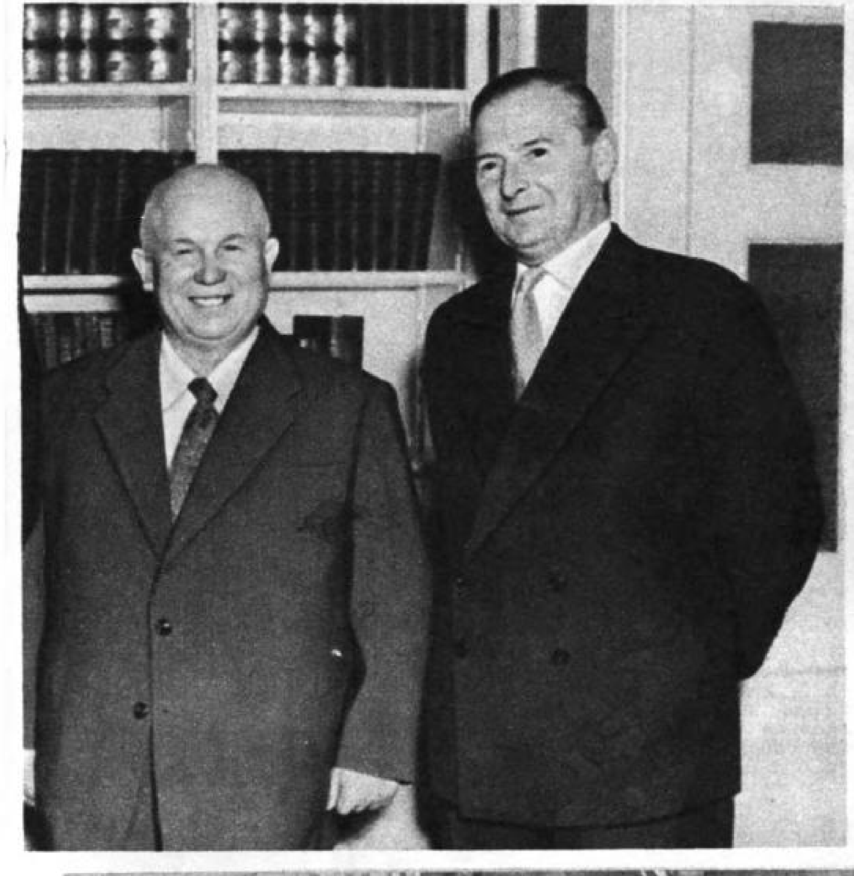
↑↓ Большая толпа лондонцев собралась на площади возле Букингэмского дворца, когда туда прибыли советские руководители. В это время происходила смена и развод караула.

Посол СССР в Великобритании Я. А. Малик дал завтрак в советском посольстве по случаю пребывания в Англии Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева. На завтраке присутствовали Премьер-Министр сэр Антони Иден и другие официальные лица. На снимке: Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев беседуют с лидером лейбористской партии Х. Гэйтскеллом.

И Н. С. ХРУЩЕВА

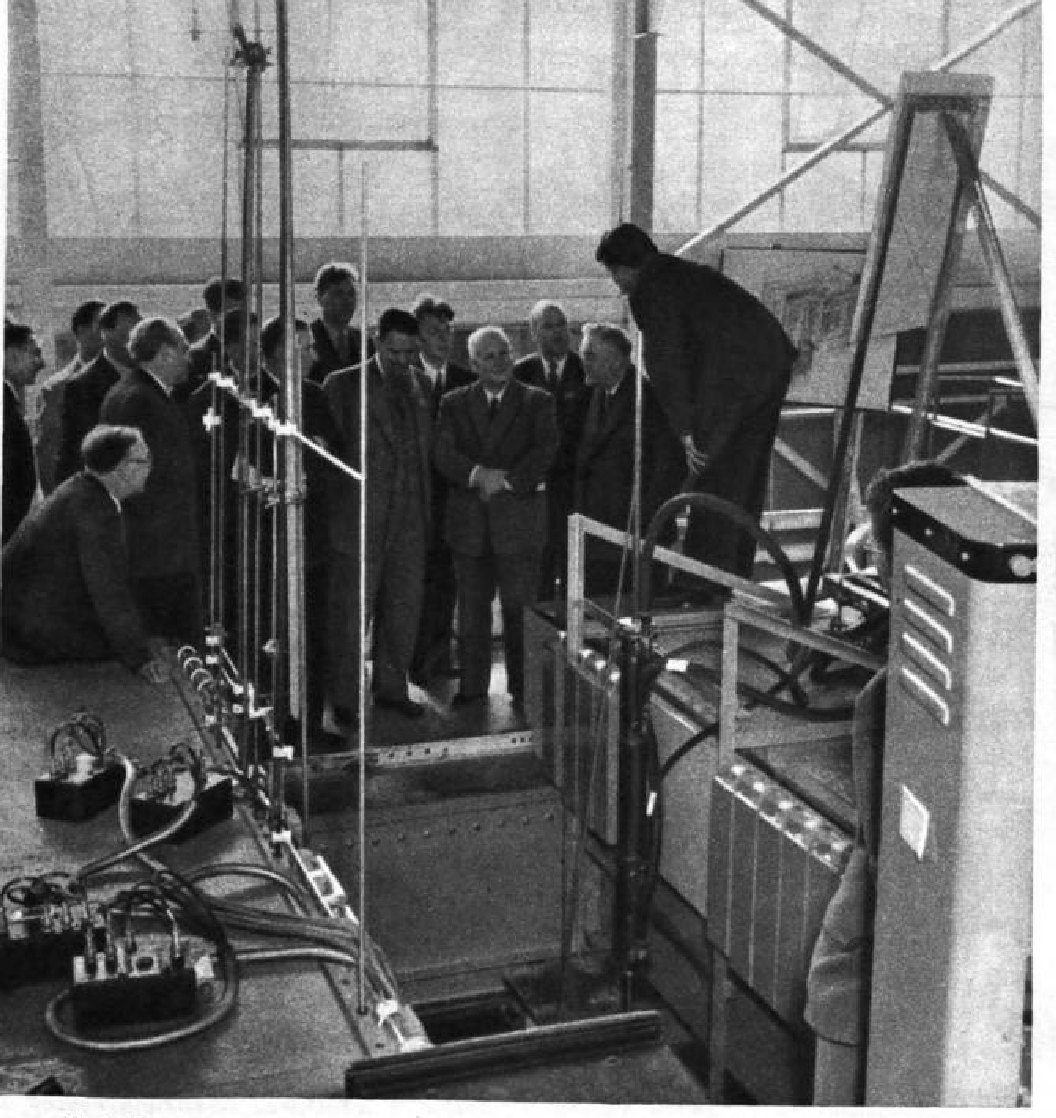

Утром 19 апреля Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев возложили венок у обелиска «Сенотаф», установленного в память английских солдат и офицеров, павших в первой и второй мировых войнах.

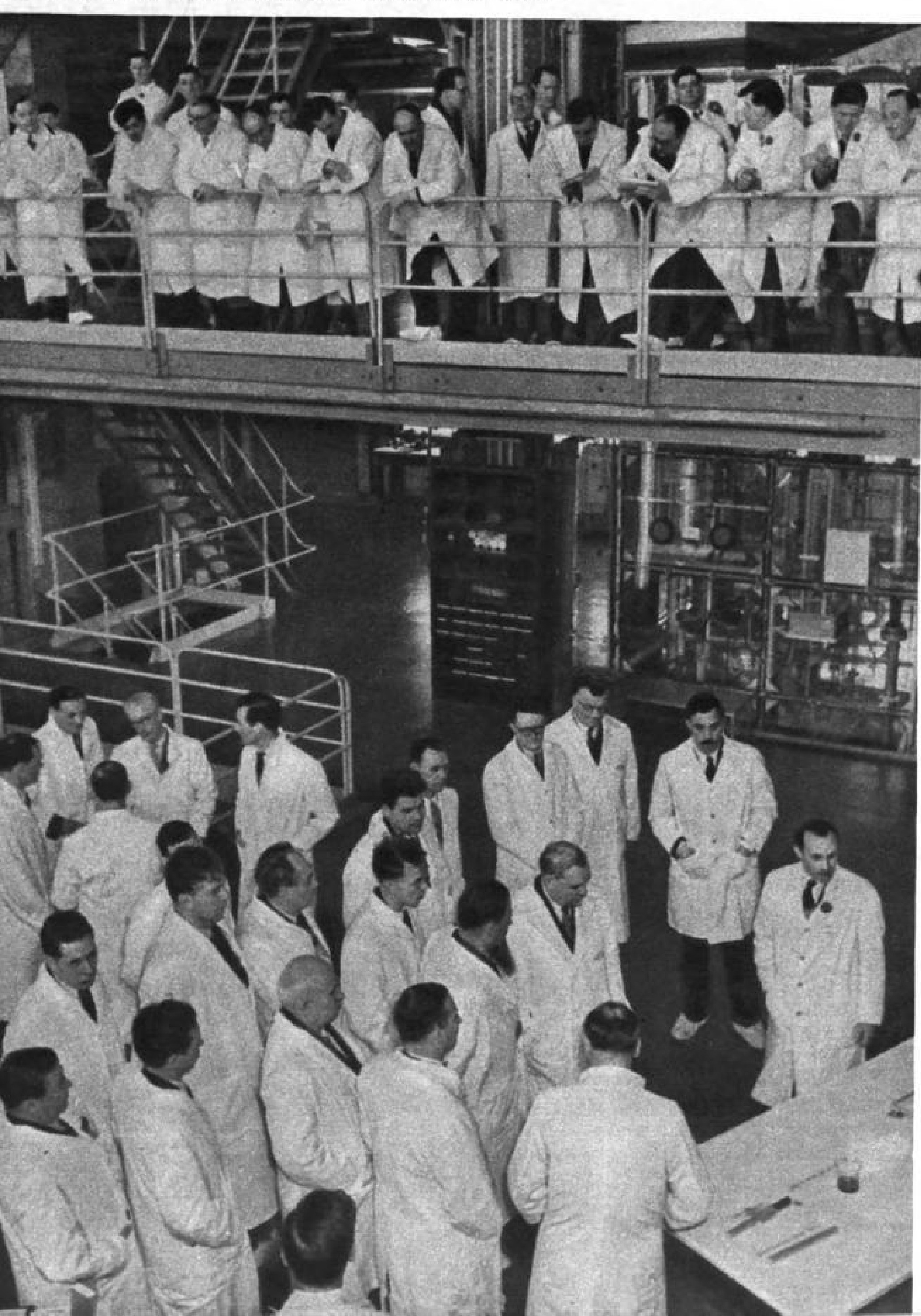

Торжественный завтрак в честь советских руководителей в резиденции лорд-мэра Лондонского Сити — Мэншен-хаузе. На снимке (слева направо): А. Иден, Н. А. Булганин, исполняющий обязанности лорд-мэра сэр Сэймур Говард и Н. С. Хрущев.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев посетили научно-исследовательский атомный центр в Харуэлле. **На снимках:** вверху — осмотр нового экспериментального реактора «Зеус»; внизу — в экспериментальной лаборатории.

Во второй половине дня 21 апреля Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев и сопровождающие их лица побывали в Оксфорде, знаменитом университетском городе Англии. За несколько часов до приезда советских руководителей на улицах собрались тысячи жителей города и студентов оксфордских колледжей. **На снимке:** у здания ратуши.

Студенты взобрались повыше, чтобы лучше видеть советских гостей.

Вице-канцлер Оксфордского университета А. Х. Смит дает объяснение гостям.

Большая группа студентов сопровождала советских руководителей, когда они осматривали «Кларендон Билдинг», здание, где расположен зал заседаний Совета Оксфордского университета.

Во время пребывания советских руководителей в Англии ежедневно с Внуковского аэродрома поднимались пассажирские реактивные самолеты «ТУ-104» и брали курс на Лондон. Через три с лишним часа они уже приземлялись в Лондонском порту, а во второй половине дня возвращались домой.

Редакция «Огонька» выражает благодарность экипажам «ТУ-104», регулярно доставлявшим из Лондона опубликованные в этом номере фотографии.

Н а с н и м к е: реактивные самолеты «ТУ-104» на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

Вся Советская страна праздновала 86-ю годовщину со дня рождения гениального вождя трудящихся, основателя Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства — Владимира Ильича Ленина.

В Москве, в Большом театре, состоялось торжественное заседание партийных, советских и общественных организаций города Москвы. С докладом «Ленинизм — победоносное знамя современной эпохи» выступил секретарь ЦК КПСС Д. Т. Шепилов.

На снимке: президиум торжественного заседания вместе со всеми собравшимися в зале поют партийный гимн «Интернационал».

Фото А. Гостева.

БОЕВОЕ ЕДИНСТВО

Жак ДЮКЛО,
секретарь ЦК Французской коммунистической партии

В эти предмайские дни на заводах, на стройках, в учреждениях Франции идет оживленное, страстное обсуждение работ и решений XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Естественно, что в преддверии международного праздника труда у всех трудящихся французов вызывает энтузиазм решение съезда перейти в течение шестой пятилетки начиная с 1957 года к семичасовому рабочему дню и повысить за тот же период реальную заработную плату советских рабочих и служащих примерно на 30 процентов. Каждому французу известно, разумеется, и то, что начиная с 10 марта этого года в городах Советского Союза продолжительность работы накануне выходных дней и праздников уже сокращена до шести часов. Это лишний раз показывает нашему народу, что слово не расходится с делом в великой стране социализма.

Столь же естественно, что в эти дни французский рабочий сравнивает собственное положение с положением трудящихся Советского Союза. В своем большинстве рабочие нашей страны знают длинные, изматывающие рабочие дни продолжительностью в девять, десять, одиннадцать, а иногда и двенадцать часов. Не редкость для них — работать по пятьдесят, шестьдесят и более часов в неделю. В некоторых отраслях промышленности — текстильной, кожевенной и других — рабочие получают гроши, и, наоборот, рабочая неделя там сокращена из-за промышленного застоя — она не превышает для многих тридцати — тридцати пяти часов.

С тем большей силой встает сегодня в памяти у каждого трудящегося француза тот факт, что двадцать лет тому назад после победы Народного фронта благодаря мощному единству рабочего класса была завоевана сорокачасовая рабочая неделя без снижения заработка, было достигнуто и общее повышение заработной платы. Трудно забыть и то, что против этих больших социальных завоеваний трудящихся начато было наступление крупных предпринимателей еще накануне второй мировой войны, и прежде всего потому, что рабочий класс оказался снова разъединенным.

Сколько раз идеологи реформизма старались за эти годы «доказать», что при капиталистическом режиме положение рабочего класса якобы «прогрессивно улучшается»! Сколько яростных атак было развернуто против открытого Марксом закона относительного и абсолютного обнищания рабочего класса в условиях капиталистической системы! Французские рабочие все больше и больше убеждаются на собственном опыте, что только в борьбе, сплачивающей воедино ряды рабочего класса, можно при капитализме добиться улучшения жизненных условий для миллионов трудящихся.

Первое мая 1956 года... Не лишне напомнить, что требованию восьмичасового рабочего дня — одному из коренных требований рабочего класса — уже девяносто лет, но до сих пор оно еще не осуществлено во многих странах, где остается в силе гнет капитала.

Французские рабочие законно гордятся тем, что они немало сделали для успеха международного пролетарского дня Первого мая, этого боевого праздника, зачинателями которого были американские рабочие. Во Франции первомайский праздник вошел в обиход рабочего движения с 1890 года. Он всегда носил боевой, классовый характер и обогатил рабочих ценным опытом.

Вспоминаются дни, предшествовавшие Первому мая 1919 года. Это было вскоре после окончания первой мировой войны, когда Великая Октябрьская социалистическая революция привлекла к себе сердца трудящихся всего мира и воспламенила их великой надеждой. Подготовка к Первому мая приобрела тогда во Франции такой могучий размах, что парламент, располагавший реакционным большинством, единогласно принял закон о введении восьмичасового рабочего дня. Это был, среди многих других, убедительный пример того, как парламент может быть поставлен в необходимость выполнить требования трудящихся, если давление рабочего класса отличается единством и организованностью.

Перелистывая страницы боевой истории своих первомайских праздников, французские рабочие не упускают из вида, что их требования, связанные с хлебом насущным, всегда тесно переплетались с борьбой за расширение демократических свобод, за сохранение мира. Они бережно хранят в памяти каждый живой пример того, как благоприятно сказывается на этой борьбе единство действий рабочего класса в каждой стране и в международном масштабе.

Сегодня, когда мы во Франции готовимся к Первому мая 1956 года, стремление рабочих к объединению своих рядов особенно заметно.

Вот завод «Гочкис» — крупное металлургическое предприятие в Сен-Дени. Две профсоюзные организации завода, одна, примыкающая ко Всеобщей конфедерации труда, другая — к «Форс-увриер», сели побратски за общий стол и выработали общую программу рабочих требований.

Вот выдержка из их обращения:

«Чтобы еще лучше подтвердить свою волю к единству, к его сохранению и укреплению, мы призываем рабочих нашего завода вместе участвовать в демонстрациях Первого мая. Мы предлагаем в масштабе всего парижского округа устраивать встречи представителей профсоюзов обоих направлений и на основе программы действия для рабочих-металлистов всего департамента Сены. совместно подготовить и провести манифестацию 1 мая 1956 года, которая послужит началом для создания единой профсоюзной организации, как это было в 1936 году».

Ту же волю к единству мы видим по всей Франции. Во многих городах коммунисты и социалисты совместно с другими республиканцами возглавили массовые народные выступления против махинаций фашизма.

Коммунисты и социалисты встречаются все чаще, чтобы обсудить и занять общую позицию и в вопросе о борьбе за мир и разоружение. Трудящихся вдохновляет в этом деле выдвинутое в работах XX съезда Коммунистической партии Советского Союза положение о возможности предотвращения войн в нашу эпоху.

Рабочие-коммунисты, как и рабочие-социалисты, выражают большое удовлетворение поездкой делегации социалистической партии Франции в Москву. Можно с уверенностью предположить, что в Советском Союзе, стране, где навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком, делегаты социалистической партии будут иметь возможность убедиться в последовательном миролюбии советского народа, в его желании жить в дружбе со всеми народами, в его неуклонном стремлении к мирному труду.

Мы хорошо знаем, что буржуазия нашей страны и капиталисты всех стран делают и будут делать все, чтобы отвлечь внимание народов от великих мирных побед Советского Союза, будут стараться громоздить все новые и новые препятствия на пути к осуществлению международного единства рабочего класса.

Но мы в то же время уверены, что в великой идеологической борьбе, необходимой для осуществления этого единства, идеи марксизма-ленинизма все шире и шире будут распространяться в сознании рабочих и способствовать этому единству. Тяга рабочих к объединению своих рядов настолько сильна, что никакие препятствия не смогут ее задержать.

Париж.

ПОД БРАТСКИМИ ФЛАГАМИ

В. МАТВЕЕВ

Фото А. Новикова.

С птичьего полета Одесский порт похож на гигантские каменные клещи, отхватившие у моря огромный кусок успокоившейся водной глади. Внутри клещей, в сторону моря, торчат длинные и узкие выступы причалов. От одного из них, на мысу которого желтеет каменный, с вышкой и мачтой домик лоцманской службы, отвалил наш катер. Вдоль его рубки латинскими буквами выведено: «Pilot». Так на международном языке моряков обозначается профессия знатока извилистых внутрипортовых дорог — лоцмана.

Лоцманский бот бежит туда, где каменные клещи, не сомкнувшись, оставили широкий выход в открытое море, бежит мимо пароходов, теплоходов, танкеров и барж, мимо Воронцовского маяка, где зажигается и гаснет далеко заметный красный огонь.

За молом, на крупной волне, расходившейся по внешнему рейду, ждет лоцмана болгарский пароход «Христо Смирненский», завсегдатай Одесского торгового порта.

Улучив выгодный для прыжка момент, переходим с катера на парадный трап. И вот уже звенит двойными ударами склянка, отмеряя длину выбранной из-за борта якорной цепи. Низко басит гудок. Полощутся на ветру братские флаги: на корме — трехцветный бело-зелено-красный государственный флаг Болгарии, на фок-мачте — наш советский: флаг приветствия гостеприимной стране.

Капитан Ангел Прокопьев и лоцман Евтихий Бондарь — старые друзья. В их внешности сразу приметно то общее, что присуще всем морякам: легкость и прямая осанка, тот цвет лица, который могут придать лишь соленый ветер и яркое солнце. Они объясняются без переводчика, хотя большей частью каждый говорит на своем родном языке.

— Здравствуйте!

— Добре дошли!

— Ну, капитан, можем двигаться? Малый вперед!

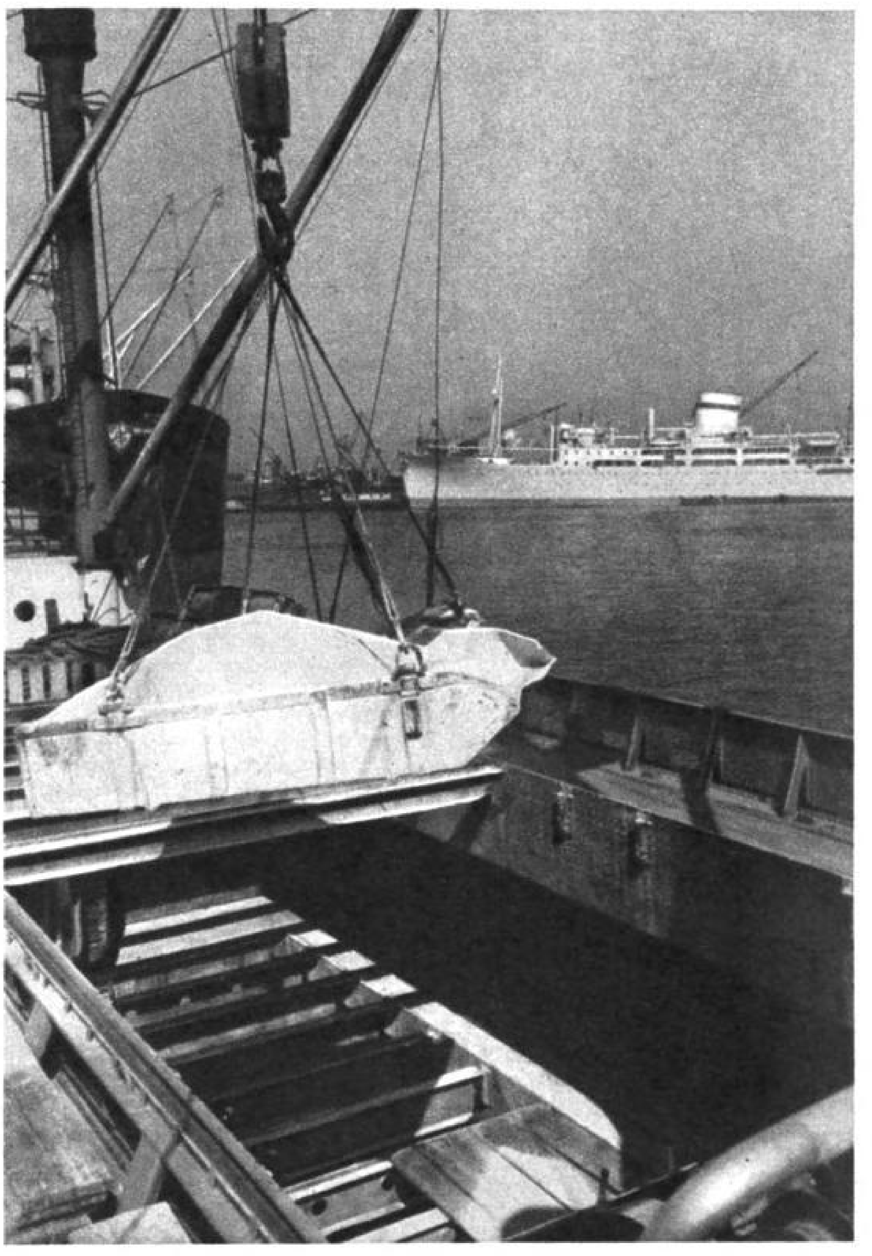
— Малок напред!

— Так держать!

— Така! — дублирует капитан.

Капитан Прокопьев стоит на мостике со свистком и мегафоном в руке. По правую руку лоцман Бондарь.

— Не принес бы тумана этот ветер,— беспокоится лоцман: ему

Суперфосфат для Болгарии.

Капитан Ангел Прокопьев и лоцман Евтихий Бондарь.

предстоит заводить в гавань другие суда.

— Верно: вода холодная,— сочувствует капитан.

— Весна у нас затянулась. А у вас? — спрашивает лоцман.

— У нас тоже. Но потеплее, чем здесь, сеют уже,— отвечает капитан и спрашивает: — А швартоваться будем на болгарском?

— Как всегда, на девятом причале,— отвечает лоцман.

Это «как всегда» повелось с сорок шестого года, и болгарские моряки, да и портовики Одессы так и называют девятый и десятый причалы болгарскими.

В 10.00 15 апреля 1956 года с «Христо Смирненского» бросили на причал первую легость — тонкий пеньковый канат с грузом на конце. За легость швартовщики вытянули на берег надежные стальные тросы.

— Ого, уже ждут нас,— сказал капитан Прокопьев и показал на пятитонные машины. Они стали в очередь у огромных ног мощного портального крана.

...Шесть лет назад здесь, в Одесском порту, началось международное социалистическое соревнование. Тогда договор был заключен между первым участком Одесского торгового порта и болгарскими моряками. А летом прошлого года, когда подводили итоги, русские и болгары отметили пятилетний юбилей.

— Кто же вышел победителем?

— Обе стороны: потому что и мы и они перевыполнили свои обязательства,— говорит капитан Прокопьев.

И вот сегодня друзья вновь встретились в кают-компании. Все усаживаются за стол, и, по морской традиции, корабельный кок угощает болгарским коньяком, по-болгарски сваренным черным кофе в маленьких чашечках, ароматными болгарскими сигаретами. Пьют за болгаро-советскую дружбу.

Капитан Прокопьев интересуется списком товаров, за которыми пришел «Христо Смирненский».

Мы видели в порту этот груз до прихода судна. В Болгарию идут оборудование для электростанций «Студен-Кладенец», «Батак», зубозакругляющие станки в Коларовград. Двигатели, паровые котлы, бумага, экскаваторы, удобрения...

На складах порта много ящиков с надписями. По ним можно узнать о больших экономических связях стран социалистического лагеря, о помощи, которую Советский Союз оказывает странам народной демократии в строительстве 391 предприятия и свыше 90 отдельных цехов и установок.

Из ГДР в Одессу пришли 15-тонные портальные краны. Во Вьетнам посылают 25-тонные самосвалы, автомобили, запчасти, лесопильные рамы, удобрения. Венгерские судостроители здесь передавали польским морякам выстроенное по их заказу пассажирское судно «Мазовше». В Одесском порту скрестились торговые пути многих государств.

В тот день, когда «Христо Смирненский» встал под погрузку, на соседних причалах грузился углем югославский пароход «Ужице», доставивший в СССР далматинский цемент, и готовился уйти в албанский порт Дуррес советский пароход «Аргунь». На борту «Аргуни» самый разнообразный груз: автомобили «ГАЗ-51» и автосамосвалы «ЗИС-585», автомастерские и автокраны, трубы для нефтяной промышленности и медикаменты, химические продукты и удобрения. «Аргонавты» — так прозвали команду «Аргуни» иностранные журналисты после рейса в Буэнос-Айрес — идут в Албанию уже не в первый раз. Через пять суток после выхода судна из Одессы оно поднимет на своей фок-мачте албанский государственный флаг — флаг приветствия.

Югославское судно «Ужице» доставило в Одессу далматинский цемент.

Десятки судов под братскими флагами Советского Союза и стран народной демократии круглый год проходят «южные ворота» нашей страны — Одесский порт. И город-герой приветствует корабли дружбы традиционным «Счастливого плавания!».

«Счастливого плавания!»

Чэнь Чжи-фо (Китай).
ВЕСНА МИРА.

Сашил Саркар (Индия). КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ.

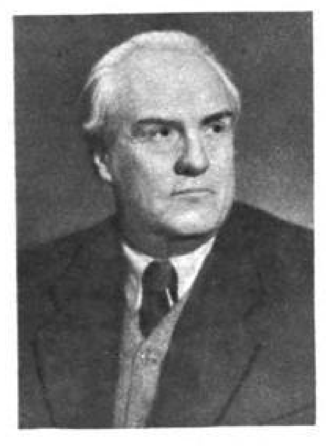
БЕЛОЕ ЧУДО

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если встать на высоком берегу грохочущего, летящего в пенных клубах Пянджа и посмотреть на юг, то за долиной откроются предгорья, над которыми стоит блистающая снегами стена Гиндукуша. За ним лежит Читрал. Это уже Пакистан. Так близко он от советского рубежа, что в иных местах только пятнадцать километров Ваханского коридора отделяют границу Пакистана от южной границы нашей Родины.

Такие близкие мы соседи, и нам бы надо знать друг о друге гораздо больше, чем мы знаем. В 1949 году делегация советских писателей имела возможность побывать в Пакистане и ознакомиться с жизнью пакистанского народа. Тогда еще мне захотелось рассказать советскому читателю о пакистанских простых людях, об их симпатиях к советскому народу, об их участии в борьбе за мир, о пакистанских друзьях, усилия которых направлены на поднятие культурных условий жизни трудолюбивого и талантливого пакистанского народа, на борьбу за правду, против лжи, за лучшее будущее, против мрачного прошлого, против того порабощения, которое и сегодня, в новой форме эксплуатации, мы находим в политической и экономической жизни Пакистана.

Я написал повесть «Белое чудо». Я писал ее с чувством глубокого уважения к пакистанскому народу. Я писал ее с чувством негодования против тех, кто и сейчас ведет свои подрывные действия, направленные против мира и безопасности народов.

За страницами этой повести стоят многочисленные факты, взятые из живой действительности, характеры, которые вы можете встретить в жизни. Действие повести относится к 1950 году. Таким образом, перед читателем проходят картины недавнего прошлого. И хотя с тех дней многое изменилось, но и сегодня народы Азии с неослабной бдительностью следят за действиями враждебных им сил, прикрывающихся маской дружелюбия и питающих самые коварные замыслы, направленные в том числе и против пакистанского народа.

Я хотел, чтобы моя повесть, как могла, послужила делу установления широких дружеских связей между нашими народами.

Я приветствую всех людей доброй воли, всех сторонников мира в Пакистане, которые продолжают свою благородную борьбу за дружбу между народами, против войны и агрессии, против колонизаторов!

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда большой любитель горной природы, сотрудник известного географического журнала, участник сложных экспедиций и восхождений, член Гималайского клуба Джон Ламер Фуст вошел в приготовленный ему номер в «Старом Отеле» в Лахоре, номер ему сразу не понравился.

Первая комната хотя и была большой и, может быть, днем выглядела лучше, но при вечернем свете она казалась чересчур мрачной со своей видавшей виды мебелью, черным круглым столом и низким диваном с тяжелой темной кожаной спинкой. Над двумя бронзовыми старыми подсвечниками, как будто привинченными к камину, висела картина в темнокоричневой широкой раме, изображавшая какой-то потемневший от времени пейзаж. Картина была неприятна своей безвыходной чернотой.

Вторая комната, где стояли рядом две кровати, вмещала черный шкаф, письменный стол, несколько стульев и выглядела так, точно из нее кто-то только что убежал, удрученный ее неуютной внешностью, бросив на стол записку, где он сообщал, что больше сюда не вернется. Действительно, на столе лежала бумажка, но это был листок из блокнота с названием гостиницы, но листок совершенно чистый и случайно попавший на середину стола.

Дальше была еще одна дверь, и, открыв ее, Фуст очутился в небольшой светлой комнате, где стояла ванна, у стены был обычный белый мраморный умывальник и два темнозеленых больших ящика на некотором возвышении, о назначении которых догадаться было нетрудно.

Не успел Фуст оглядеть эту единственно светлую комнату в своих владениях, как в стене, не замеченная им, открылась совсем маленькая дверь, и на фоне внезапно блеснувшего темнобирюзового неба встала фигурка человека, который ужасно смутился, не ожидая встретить здесь Фуста.

Он был одет, как самый обыкновенный нищий, которому на улице вы бросили бы какую-нибудь мелочь, чтобы от него отделаться. С другой стороны, почтительно прижатые к груди руки и глубокий, полный уважения поклон говорили о его принадлежности к составу слуг этой гостиницы, и Фуст по растерянному, почти испуганному лицу человечка, на котором блестели какие-то птичьи глаза, круглые и маленькие, это понял.

Человечек, видя, что его появление не вызвало ярости со стороны иностранца, осмелел и показал рукой на зеленые ящики, показал так легко и вместе с тем понятно, что Фуст, ничего не сказав, вернулся в первую комнату; уже были принесены его чемоданы, в углу стояли два ледоруба, лежала аккуратно упакованная в желтом чехле гималайская палатка, большой рюкзак и несколько небольших ящиков.

Фуст не спеша устраивался в номере, открыл чемодан, развесил на распорках костюмы в шкафу, не спеша разложил на полках белье, дождался, когда человечек ушел из ванной, и открыл ту небольшую дверку, через которую проник в его номер этот работник самой черной квалификации.

Фуст вышел на внешнюю галерею, проходившую по стене всего здания и служившую для того, чтобы по ней особые слуги, в ведении которых были ванные комнаты, проникали в них, не заходя в номер и не беспокоя постояльцев.

С галереи открывался вид на небольшую площадь, на бульвар, за широкими кронами деревьев которого виднелись крыши высоких зданий. По площади проходили пешеходы, изредка проезжали машины, звенели колокольчиками тонги, кричали, проходя, продавцы-лоточники, откуда-то с бульвара раздавались крики играющих детей.

Фуст, увидев, что его номер последний, расположен на самом углу дома и мимо него никто не пройдет по галерее, принимал ванну, не закрыв дверь.

Сидя в теплой, как бульон, воде, он смотрел в открытую дверь на площадь и рассматривал с высоты второго этажа пешеходов и экипажи, автомобили и педикапы, велосипедистов и детей, пробегавших веселой стайкой. Зеленые с желтым птички залетали к нему

в комнату и, покружившись и что-то пискнув, уносились в вечерний город.

Он смотрел на свое сильное, тренированное тело, но мысли его были далеко от этой ванны и от этого номера. Он никуда не торопился, и, однако, это не был отдых и покой. Он был похож на человека, который забыл, зачем он влез в эту теплую воду и что нужно сделать, чтобы из нее вылезти. Такая глубокая задумчивость продолжалась долго. И, вернувшись в спальню и одевшись так же рассеянно и снова отмечая почти инстинктивно мрачное убожество окружающей обстановки, он оставил номер. Дверь, состоявшая из деревянных решеток, вращающихся, как входная дверь в магазине, повернулась за ним.

Он прошел галерею, спустился по крутой узкой лестнице и пошел по жаркому каменному двору в контору гостиницы.

Молодой клерк, темнолицый, с восторженными глазами, с выразительным лицом, с подчеркнутой предупредительностью исполняющий нравящиеся ему обязанности, был остановлен европейцем-портье, который сам поспешил навстречу Фусту, а молодой человек, сделав свое лицо равнодушным и обиженно мигнув длинными черными ресницами, взял какой-то список и начал выискивать там несуществующую фамилию.

Фуст осведомился, нет ли для него сведений от мистера Гифта из Пешавара или Равальпинди. Портье порылся у себя в конторке и, держа близко у глаз блокнот, отыскал в нем нужную страницу и прочел, что действительно звонили по поручению мистера Гифта и просили передать мистеру Фусту, что Гифт будет в Лахоре или завтра вечером, или, самое позднее, послезавтра утром.

Когда Фуст, поблагодарив, уже шел к двери, он слышал, как портье сказал молодому клерку:

— Это известный путешественник Фуст. Но у нас он первый раз. Посмотрите на него, вы не каждый день его увидите.

Фуст, возвращаясь из конторы, медленно прошел по пустому коридору, потом мимо белых круглых колонн главного входа, перешел двор, на котором, как всегда, была суета машин и какие-то приезжие важно шли в свои номера, а за ними слуги в белых длинных одеждах, перехваченных широким красным поясом, несли их вещи. Все это выглядело так, точно эти люди условились играть в старую скучную игру и одни должны были изображать важных и надменных, а другие — покорных и молчаливых и нести все эти чемоданы, баулы, корзины и ящики в темные, мрачные комнаты, которые потому такие темные, чтобы в жаркое время дня в них было прохладно и можно было дышать.

Вернувшись в свой номер, Фуст тяжело сел в глубокое кожаное кресло, и то, что тяготило его весь день, с новой силой начало ворочаться в нем, наполняя все его существо тревогой и отвратительным чувством неуверенности.

Подверженный такого рода неожиданно находившим черным припадкам тоски, он сидел, смотря в угол комнаты, где стояли прислоненные к стене ледорубы, и как будто вызывал перед собой картины, которые мучили его и причиняли такую боль, что можно было просто завыть. Это шло не от мрачных комнат. Они не могли быть иными. Они так и сделаны, чтобы было темно и прохладно. Нет, дело не в них.

А в чем? Может быть, этот глупый случай в Амритсаре, где на аэродроме он оказался свидетелем необычного зрелища? Когда он спустился по лесенке из самолета и хотел идти к аэровокзалу, его вежливо предупредили, что надо немного подождать. Почему? Потому что сейчас вперед пройдет советская делегация, которую будут приветствовать представители амритсарской общественности. «Что это за делегация?» — спросил он. «Это какие-то ученые или артисты,— ответили ему.— В общем, это друзья из Советского Союза».

И он должен был стать в сторону и невольно видеть всю церемонию. Толпа радостно восклицавших людей приблизилась с длинными цветочными венками. Это были главным образом сикхи, бородатые, в широких штанах, с огромными кокетливыми тюрбанами, старые и молодые, всех возрастов, были и женщины, празднично разодетые. Все они радовались и шумели и непрерывно кричали приветы и аплодировали. Медленно навстречу им шли советские люди. Фуст видел их еще в самолете. Они летели с ним, но он не придавал им значения. И только здесь, под широким жарким небом аэродрома, вдруг они переменились ролями.

Известный, как говорили за его спиной, Фуст отступил в неизвестность, а эти тихие люди стали такой величиной, что весь аэродром встречает только их, кричит только им свои приветствия, все венки отдает только им.

Он смотрел испытующими глазами на лица сикхов. Не было сомнения в их почти детской радости, с какой они надевали венки на шеи советским людям, как они жали им руки, как они касались их дружески и тепло, как женщины бурно обнимались с русскими женщинами.

И смолисто-черные, с широкими бородами, белозубые сикхи и чуть загорелые, румяные советские люди как будто так давно ждали этой встречи, что забыли, что они на аэродроме, где считаются с расписаниями и порядками отлета и прилета, и говорили длинные речи, которые тут же переводили, и все не могли наговориться, и смотрели друг на друга, и все не могли насмотреться. Они забыли, что он, Фуст, и еще три пассажира-американца ждут, потому что некуда идти, все в руках этих энтузиастов, закрывших вход в аэровокзал.

Он поймал себя на том, что ведь это бывает всюду. Всюду на аэродромах встречают делегации и устраивают встречи, где простые пассажиры не участвуют или, наоборот, тоже участвуют. Как? Чтобы Фуст участвовал в этой встрече?! Это невероятно, это черт знает что! Он спросил служащего компании, нет ли какого-нибудь другого выхода с аэродрома. Тот посмотрел на него слегка недоумевающе, но когда вопрос дошел до его сознания, поспешил ответить, что другого выхода нет.

Фуст понял, что спрашивать дальше бесполезно. Он пристально рассматривал советских людей. Так вот они какие! Женщин было две: одна пожилая, со смуглыми щеками, узким, энергичным ртом, широкоплечая, внимательно слушавшая приветствовавшего ее патриарха-сикха с белоснежной бородой и глазами доброго короля из сказки; другая женщина была чисто славянского типа, с большими смеющимися глазами, открытый взгляд которых, казалось, хотел впитать в себя весь этот солнечный простор и ряды этих восторженных людей в белом с цветами и гирляндами роз и даже этих иностранцев, которые стоят, не принимая участия в такой хорошей встрече. Она посмотрела на Фуста как-то удивленно, точно ей показалось странным, что есть люди, которые не радуются тому, что происходит, и как это может быть. Одеты обе женщины были скромно, но аккуратно, и серый костюм и белая панама с черной лентой у одной и темное платье у пожилой только подчеркивали сдержанную страстность их жестов и слов.

Мужчин было трое. Они были в темных костюмах, цветных рубашках с галстуками, завязанными очень тщательно. Пиджаки их были застегнуты на все пуговицы и по покрою сильно отличались от всех европейских колониальных костюмов. Было видно, что люди, носящие их, не частые гости в этих краях. И, однако, эти костюмы не говорили о том, что они невыгодно отличаются среди прочих. Просто эти костюмы были сшиты другими портными и из других материалов, чем те, к которым привыкли здесь, в Индии.

Один из мужчин был выше других и старше годами. Он смотрел слегка удивленными глазами, шел гордый и взволнованный и нес свой венок так осторожно, точно тот мог за что-нибудь зацепиться и разбиться, как стеклянный. Второй был среднего роста, держал в руках портфель, но сам вид портфеля, плоского и не разбухшего от бумаг, изящного, даже кокетливого, говорил, что о деловых бумагах и справках не может быть и речи, а что если из недр этого портфеля появятся ноты, несколько песенок, которые зажгут зрителей и слушателей, то это и будет самое правильное содержание. Слегка насмешливые, веселые глаза владельца этого портфеля, его спокойствие, привычка стоять перед аплодирующим залом, яркий галстук и складка на его широких длинных брюках, слишком заботливо охраняемая от случайностей дорожного путешествия, выдавали его профессию. Да, это, несомненно, был артист или музыкант.

Третий мужчина был не похож на русского. Если бы его одеть в индийское платье, обвязать его голову легким тюрбаном и поставить в ряды встречающих, то вы бы легко приняли его за уроженца этих мест. И, повидимому, Фуст угадал правильно, потому что ему, этому гостю, как-то несколько по-иному жали руки. Фуст, который, несмотря на глубокое раздражение и злость, не оставлял своих наблюдений, решил, что это уроженец Средней Азии и поэтому его особенно приветствуют, как близкого соседа.

Фусту стало казаться, что это никогда не кончится. Речи были длинные, люди обступили приехавших, и прошло много времени, пока все приветствия прекратились, все гирлянды были розданы и толпа, сломав живой коридор, потекла внутрь аэровокзала.

Он смотрел на других пассажиров самолета, прилетевших с ним. Иные из них посмеивались, иные пожимали плечами. Ни один не сказал ни слова.

Наконец за толпой шумно ликующих сикхов и гостей двинулись и пассажиры. Пока они шли, почти сливаясь с уходящими с поля, им хлопали со стороны, принимая за каких-то дополнительных членов делегации, им тоже кричали что-то хорошее. Но никто не вешал им венков, и эти крики приветствия чуть не вывели Фуста из равновесия. Но он сдержался. Он был полон какого-то темного чувства. Так вот как они выглядят вблизи, эти люди из таинственной Страны Советов, уже добравшиеся до тех краев, которые Фуст считал владениями себе подобных!

Что в них было особого, в этих людях? В чем их притягательная сила — он не обнаружил ее с первого взгляда. Искать ответ нужно у другой стороны. Торжество сикхов как хозяев имеет свое объяснение. Но почему они тоже ведут себя так, как будто в этой обычной встрече есть что-то еще, что не выражается словами?

Он раскурил трубку и сидел, сжавшись, как будто ударился всем телом о стенку.

Нет, в том мраке, который он привез с собой в этот отель вместе с чемоданами и ледорубами, возникает что-то другое, неамритсарское. А! Он вспомнил, вынул из дальнего угла памяти, где это жило, и приблизил так, что все ощутил с новой и отвратительной силой. Это было в Дели. На берегу Джамны, большой, мутножелтой старой Джамны, где на некотором расстоянии друг от друга сложены платформы из кирпичей. На этих возвышениях сооружались погребальные костры. Он пошел случайно, и притягательная сила болезненного любопытства заставила его смотреть. Он даже тайно сфотографировал некоторые моменты.

На кирпичную платформу положили пожилого человека, закутанного в простыню. Сверток, в который превратился человек, был небольшой, но все-таки ощущалось, что это не мертвый груз, а человек. Даже в этом свертке как бы продолжалась инерция жизни, и принесшие его молодые люди положили его так осторожно на кирпичи, как кладут больного для решающей операции на стол хирурга.

Очень скромно одетый священник-брамин читал молитвы, и они звучали в жарком, пустынном воздухе, как стихи на непонятном языке. Светило солнце. Синее-синее небо охватило весь живой и неживой мир. Принесли дрова для костра. И дрова были не просто нарубленные обрубки деревьев, а кривые, ветвисто-изогнутые, как будто у каждого изгиба ветви было нечто свое, тоже неповторимое и готовое измениться, как то, что лежало в свертке. И они были так расположены вокруг лежавшего, как будто образовали шалаш, который скрыл его от беспощадного, жгучего солнца. Снова читались молитвы, клались цветы и смолистые сучья там, где им полагалось помогать костру.

Капали молоком, сын положил в рот отцу кусок коровьего масла. И в страшной тишине треснул первый кусок дерева, когда чистый, красный огонь побежал повсюду и снизу и сверху окружил лежащего золотисто-красным сиянием, прежде чем взмыть вверх торжествующим, громким пламенем. Легкий дымок вился меж кривых ветвей, и вдруг, разгоревшись, костер ударил в небо так ярко и так празднично, что чистое, красное пламя на фоне синего неба над зеленой землей показа-

лось как бы отдельно существующим и было таким красивым, что сама мысль о чем-то, связанном с тлением, могилой, мертвыми костями, даже не могла придти в голову. И если бы человек, не знавший смысла происходящего, увидел издали это пламя, он бы сказал от всего сердца: какой красивый костер, какая красота!

Фуст видел, как принесли девушку. Она была завернута в радужное сари[1], которое охватывало ее с головы до ног. В Фусте проснулся корреспондент географического журнала. Он не испытывал тяжести от того, что видел. А то, что это был не пожилой индиец, а молодая и, конечно, как ему казалось, прекрасная девушка, затрагивало только его воображение. Она лежит в покое, с закрытыми тонкими губами, длинные ресницы спят, как цветы, которые положены на ее любимое сари.

Ее не надо класть на эти суровые, нагретые солнцем кирпичи. Ей можно сделать каменное ложе в самой реке, которая растекается на рукава, и у берега совсем мелкая вода, она завивается и крутится, как тогда, когда девушка кидала в воду камешки, играя на зеленом берегу родной реки. Дети и девушки могут быть сожжены прямо в реке, и пепел их бросят в Джамну, так как она понесет их и отдаст священному Гангу. Раз она соединяется с Гангом, она сама священна.

Фуст смотрел, запоминал и следил, как родственники девушки, войдя по колено в воду, аккуратно делали из камней последнее ложе и работали так искусно, так подбирали камни, чтобы было поровнее, чтобы удобнее можно было положить девушку, чтобы не больно было ей на этих сглаженных волной камнях. Они окончили свою работу, положили девушку, и легкий ветерок, набегавший с реки, трогал конец ее радужного сари, как будто делал последнюю попытку убедиться, что она действительно неподвижна.

Когда показались люди с охапками дров, Фуст ушел. Он не мог видеть снова этот праздник огня, и ему стало не по себе, он начал искать для глаз что-нибудь такое, что отвлекло бы его и рассеяло. Он пошел в сторону от нового ложа смерти и увидел человека, стоявшего в реке; худые фиолетовые ноги его все время шевелились, точно он баловался и мутил зря воду.

Потом он наклонился, зачерпнул решетом со дна грязь, гальку, кости и, выбросив все это на песок, стал рассматривать выброшенное. Это был человек мрачного ремесла, живший счастливыми находками. В священную воду реки бросали деньги, кольца, браслеты. В пепле находили и другие мелкие драгоценности.

Фуст увидел, наклонившись, что этот человек остановившимися глазами уставился в смесь пережженных костей, зубов и глины. Потом он разинул рот и, закусив губу, поворошил палкой, что-то отыскал, взял находку пальцами ноги так ловко, что это движение не вызвало удивления; потом взял находку в руку и показал Фусту. Фуст не сразу понял, что это такое.

— Зуб! — сказал человек, вытирая его о полотенце, висевшее на шее, и Фуст увидел: действительно, это был зуб мертвеца, который блестел маленьким золотым блеском.

Человек торжествовал. Он вынул из-за пояса мешочек и, еще раз помахав перед лицом Фуста добычей, положил зуб бережно в мешочек, перетянул веревочкой и опустил за пояс.

Фуст оглянулся. Яркое пламя оседало над ложем пожилого индийца. От реки шел голубой дым, и ветер доносил тонкие запахи благовоний. Это занимался костер над девушкой в радужном сари.

Фуст почувствовал, что с него хватит. Выход был в конце узкого коридора, перегороженного тумбами, чтобы можно было проходить только пешеходам.

И здесь ему пришлось ждать. Навстречу несли совсем почтенного человека. За несшими, высоко подняв в воздух носилки с мертвецом, шли велосипедисты с высоко поднятыми велосипедами. Фуст насчитал их сорок восемь человек. Он понял, что они хоронят не председателя велосипедной секции. Они просто несли его издалека, по очереди.

[1] Сари — род женской одежды.

...В эту ночь он плохо спал. С тех пор золотой зуб мертвеца просто его преследует. Как будто он, Фуст, смотрит на темное пятно, которое нельзя стереть никаким способом. Фуст сидел и курил, и дым его трубки подымался к черному потолку и полз вдоль него, ища выхода. Он был почти таким же сладким и приторным с горечью, как дым погребального костра индийской молодой красавицы.

Но за этим было и другое, то, от чего еще рано освобождаться. Может быть, он устал, может быть, нервы слишком были перенапряжены в последние годы, да и годы уже не те.

В дверь даже не постучали, а поскреблись так деликатно, что он сначала не обратил внимания на этот звук. Потом дверь сделала полный оборот, деревянные решетки раскрылись, и вошел молодой человек и очень вежливо передал приглашение своего хозяина и шефа, у которого он имеет честь быть секретарем,— купца Аюба Хуссейна.

Да, Фуст знал Аюба Хуссейна, он познакомился с ним в Дели, и нынче он ехал вместе с ним в Лахор. Таким образом, все было в порядке.

Фуст просил передать Аюбу Хуссейну свою благодарность и обещал обязательно быть у него на небольшом дружеском приеме. Секретарь сказал, чтобы он не беспокоился насчет машины. Он сам заедет за ним и отвезет его в дом Аюба Хуссейна. Это не так далеко, но пешком приходить ему не годится и не полагается.

После ухода секретаря было еще время, и Фуст отыскал в чемодане карту, которую нашел не сразу, так как она была засунута меж шерстяных вещей, носков, свитеров и варежек, и, разложив ее, долго смотрел с таким пристальным вниманием, как будто он видел не нарисованные условные обозначения гор, рек и ледников, а настоящие ущелья, перевалы и вершины, выходящие из облаков.

Он курил, смотрел на карту и так углубился в свои мысли, что, взглянув на часы, увидел, что пора готовиться к приему.

Он раздевался и снова облекался во все

свежее тщательно, как молодой дипломат. Он надел сверкающую свежестью рубашку с крахмальным воротником, хрустящую и молочно-белую, умело сшитую, как умеют шить китайские портные, из материи, называемой акульей кожей, тонкий черный костюм и галстук бабочкой и сразу превратился в джентльмена, который может быть украшением любого клуба или приема.

Он уже собирался вложить маленький белый платочек в боковой карман своего парадного смокинга, как постучали в ту дверь, что вела на галерею, выходившую на площадь.

Удивляясь, он открыл дверь, и перед ним опять предстал перепуганный человечек, который с жутким раболепием сказал, низко склоняясь перед ним:

— Не закрывайте, мистер, этой двери на ключ, а то я не смогу взять завтра утром...— И он, не договорив, показал смущенно на зеленые ящики.— Это мой заработок, сагиб,— добавил он, отступая и пятясь с самой глубокой почтительностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прием у купца Аюба Хуссейна был действительно непарадный, но все-таки гостей было не так мало.

Сам Аюб Хуссейн, с широким добродушным лицом, в очках, за стеклами которых были большие мягкие глаза, поблескивающие лукавством, в черном длинном сюртуке, с белыми узкими панталонами, одетый, как и большинство присутствующих мужчин, представил своих друзей почтенному гостю, которого он сам узнал совсем недавно.

Жена хозяина, Салиха Султан, женщина средних лет, с хорошей улыбкой, с чудесным цветом кожи золотисто-орехового тона, с длинными, красивыми руками, в нежнейшем шелковом одеянии, в тончайших белых струящихся шальварах, с легким газовым покрывалом на черных, как черная тушь, волосах, умело вносила оживление в разнообразное общество, которое окружило Фуста.

В этой богатой, уставленной низкими диванами и тахтами комнате, на стенах которой висели старые иранские ковры, по углам стояли высокие китайские вазы и пол был тоже покрыт коврами. В них мягко тонула нога. Фуста окружили женщины, и он смотрел на них глазами, полными сосредоточенности и некоторой напряженности.

Но ему и полагалось быть таким, так как хозяин уже шепнул гостям, что это Фуст, известный путешественник и ученый, очень серьезный и замкнутый человек, и что большая честь — видеть его и говорить с ним.

Фуст выглядел слишком строго на этом фоне разноцветных дамских одеяний, похожих на ярко освещенные облачка, горевшие всеми красками ослепительных украшений. Он любезно отвечал на почтительные вопросы окружающих, благодарил за гостеприимство, хвалил страну и изрекал все те необходимые фразы, которыми богато уснащены такие приемы.

Мужчины были в черных сюртучках и белых панталонах, в сандалиях на босу ногу, которые они легко сбрасывали на пол, и так сидели. Дамы были такие яркие, такие разные, все без чулок, в туфлях на огромнейших каблуках, с необычайными кольцами и браслетами на руках, длинных, узких и всех оттенков кожи — от коричнево-черного до золотисто-фиолетового. Все они страшно оживились и удивились, когда Фуст сказал, что он, как это ни странно, первый раз в Лахоре, что он бывал в Карачи, но в Лахоре ему никогда не приходилось бывать.

— Как это могло случиться? — спросила его дама с властными, пронзительными глазами и короткими пухлыми ручками, пальцы которых были унизаны перстнями.— Вы, который так много видели, так много путешествовали по Азии?

— Я бывал главным образом в горных местностях,— отвечал Фуст.— Я знаю, что Пакистан — очень красивая страна, и я приехал сюда даже с некоторой определенной целью. Но скажите вы мне,— спросил он свою соседку,— какое, по-вашему, самое красивое место Пакистана?

Взглянув на него прозрачными, глубокими и невинными глазами, она ответила, не задумываясь:

— Кашмир, мне нравится Кашмир больше всего... И потом,— добавила она,— там очень много мусульман. Он должен быть наш. А вы были в Кашмире?

Фуст пропустил мимо ушей ее фразу о мусульманах и, сразу оживившись, сказал:

— Да, я был в Кашмире.— Он даже полузакрыл глаза, как бы вспоминая все его красоты.— Кашмир,— продолжал он,— это опьянение особого вида. Когда вы дышите воздухом этих густых, насыщенных богатой зеленью лесов, слышите мелодии горных ручейков, вечную музыку шумных рек, идете по лугам, от запахов которых сладко кружится голова, подымаетесь к снегам, над которыми уходят в высоту скалы и вершины, одетые льдом и снегом, останавливаетесь в изнеможении, вы не чувствуете усталости. Это разнообразие природы делает вас совсем другим человеком. Если бы я мог, я бы навсегда поселился в Кашмире, в Гульмарге, например.

— Я была в Кашмире совсем немного. Но мне о нем много рассказывал мой двоюродный брат, который ездил в Гилгит... Это, правда, прекрасно.

— Я бывал и в Гилгите,— сказал Фуст,— и мне кажется, что человек самой жестокой души, самого прозаического склада, развращенный соблазнами жизни современного города, в Кашмире вступает в общение с неизвестным ему, но властным и богатым миром природы, которая хочет вернуть ему потерянные возможности. Она возвращает ему чистоту помыслов, открывает наслаждение чистых красок неба и земли, воды и гор, она уводит его от будней, заполненных нелепостями современной цивилизации. Если вы потеряли за ежедневной суетой чувство прекрасного, вы его найдете в Кашмире. Если вы желаете получить исцеление ваших недугов — души и тела,— вы излечитесь в Кашмире...

— Браво! — сказала молодая женщина в сюртучке из винно-вишневого вельвета.— Но что же вы скажете про другие страны, где вы бывали?

— Я бывал много в Индии, в Бирме, в Китае... Я люблю горы, они говорят мне больше, чем море или степи. Конечно, всюду рассеяно это волшебство природы, когда вы готовы принять его всем сердцем. Но в Кашмире это чувство такой силы, как будто там, именно там дух природы хочет говорить с вами наедине, как на любовном свидании, но без упреков и жалоб... Мы все видим восход и закат солнца. Каждый день мы просто регистрируем его. Но закат и восход солнца в горах Кашмира — это части той таинственной, живущей в нас силы, которая нужна человечеству, иначе оно погибнет в мире, требующем от вас только механической жизни, выполнения тех скучных и необходимых процессов, что контролируются современной цивилизацией, перенасыщенной техникой...

— А зачем вы путешествуете? — спросила, сильно смутившись, девушка, которую представила Фусту Салиха Султан как свою племянницу.

Фуст тут же забыл ее имя, но девушка показалась ему заслуживающей внимания. Прелестно одетая в светлое сари, с перекинутым через плечо прозрачным шарфом, с большим серебряным медальоном на серебряной цепочке на шее, она была воплощением юности, которая просто светилась во всем ее облике.

Хорошего рисунка губы, когда улыбались, делали ее похожей на доброе существо, которое не знает ничего земного, и оно же вместе с тем может явиться самым добрым товарищем и верным другом. Она так широко открывала глаза и смотрела с глубоким ожиданием на того, кому задавала вопрос, что не ответить ей так же чистосердечно было бы невозможно.

Фуст смотрел на нее, точно собираясь с мыслями, и секунду ничего не говорил. Потом он, как бы вынимая ответ из глубины своего существа, сказал медленно и не глядя на девушку:

— Зачем я путешествую? Я бы мог сказать, что я сотрудник географического журнала, что я член Гималайского клуба и это дало мне некоторую известность. Но, конечно, не это главное, о чем я хочу сказать. Я избрал себе путешествия как метод познания правды жизни. Книги сейчас пишутся больше для дискуссий, чем для ответов человечеству, перед которым стоят те же вопросы нравственного совершенствования, какие стояли во все времена. Мы говорим: вершины духа. Но ведь такие вершины есть на самом деле. Человек, видящий весь мир, а не только улицу, где стоит его дом, и город, где он живет, вступает в соприкосновение с богатствами, делающими его жизнь оправданной. Я потерял жену в автомобильной катастрофе, с того дня прошло много времени, и я могу об этом говорить спокойно. Тогда я впервые задумался над тем, делаем ли мы усилия, чтобы стать лучше и чище, чем мы есть, и чтобы выйти из-под гипноза мертвящей цивилизации. Я нашел в горах и способ говорить с природой и способ находить в людях то, что в них заложено лучшего. Я стремился все выше, в области вечности, к недоступным вершинам, где небо выше и человеческий дух тоже выше обыкновенных вещей, обыкновенной жизни... Конечно, это не философия, это не система. Это, может быть, тоже просто страсть, и временами даже опасная для жизни...

Он слегка улыбнулся, и девушка, посмотрев на него широко раскрытыми глазами, то ли от волнения, то ли от желания возразить, ничего не сказала. Она опустила голову и задумалась.

Но тут же вступила в разговор, повидимому, ее подруга, потому что она положила свою руку на плечо девушки. Это была рука, вылепленная хорошим мастером, с выразительными, тонкими пальцами такого нежного, теплого тона, что золотой браслет терял в своем блеске рядом с этой блестящей рукой.

Эта красотка, подняв черные свои брови и раскрыв чуть толстые красные губы с вишневым оттенком, сделав неуловимый жест длинными прямыми пальцами, спросила Фуста:

— Это вы были на Белом чуде? Я читала в газетах, кажется, два года назад?

Фуст стал мрачно серьезен, почти таким мрачно серьезным он вошел в этот дом. Только беседа рассеяла его и даже увлекла. Сейчас он стал жестким. Каким-то жестким голосом, совершенно противоположным тому, которым он проповедовал о страсти к горам, он сказал:

— Знают ли уважаемые леди и джентльмены, что такое Белое чудо?..

Почти все, за исключением двух девушек — племянницы хозяйки и той, что спрашивала,— не знали хорошо, что это такое. Фуст рассказывал сначала несколько вяло, но по мере того, как рос его рассказ, он опять воодушевился. Только в конце драматизм победил его воодушевление, и он кончил почти шепотом.

— Белое чудо — это одна из высочайших гор мира. Она находится у вас, в Кашмире, в Каракоруме. Многие пытались победить ее, но безуспешно. Было предпринято много экспедиций, но ни одна не увенчалась успехом. Были и жертвы. Я не буду говорить о них. Мы отправились незадолго до периода муссонов. Мы опоздали из-за неполадок с носильщиками. Нас встретили такие метели, такие ураганные ветры, что ни о каком дальнейшем восхождении не могло быть и речи, и все-таки мы продвигались вперед. Вы можете себя поставить на наше место...

— Не могу,— сказала совершенно искренне дама с пухлыми пальчиками,— я так боюсь холода!

Фуст снисходительно улыбнулся. Все невольно посмотрели на его натренированную, сухую, высокую фигуру: да, такой может.

Фуст продолжал:

— У нас не было ни одного кислородного баллона в том верхнем лагере, откуда должен был быть нанесен удар, то есть начат штурм вершины. Я остался наконец вдвоем с моим хорошим другом, с которым меня связывала долгая дружба и обоюдная любовь к горам. Мы понимали друг друга с полуслова. Мы жили неделями в одной палатке, ели из одного котелка, работали, связанные одной веревкой.

И теперь, когда иные изнемогли и лежали под горой, кули разбежались в ужасе, боясь горы, как злого духа, мы остались вдвоем. После всех испытаний и мучений, с обожженными лицами, ослепленные ураганом, без достаточной пищи, мы были наедине с могучей вершиной... И мы вступили с ней в смертельный поединок. В последний день, переоценив свои силы, мы шли вверх, только вверх; ла-

вины грохотали вокруг нас; ветер срывал нас с гребня; мы шли, стиснув зубы, в том восторге, который неизвестен людям внизу; мы карабкались и падали, лежали на снегу, дыша, как рыбы, выброшенные морем; мы умирали и воскресали. Я потерял представление о времени. Я начал галлюцинировать. И меня вернула к жизни только трагическая действительность. Я был свидетелем того, как погиб мой друг, и я не мог ему помочь. Я бросился к нему, но было поздно. Я был близок к сумасшествию. Простите меня, но я бы не хотел продолжать об этом...

— Конечно, конечно! — сказали со всех сторон. — Мы понимаем, как вам тяжело.

Чтобы дать разговору иной ход, умная Салиха Султан, опытная в беседах, которые необязательны и несерьезны, сказала, вздохнув (ее вздох можно было отнести к переживаемому Фустом воспоминанию):

— Как хорошо, что в наше трудное время, переполненное политикой, когда все бросаются на газеты и кричат на митингах на улице, есть чистые души, которые могут наслаждаться чудесами природы! Этими чудесами богата и наша любимая страна! Вы сказали, что вы сейчас идете в наши горы. Правда, это так?

— Это так, — сказал мягким голосом Фуст, таким мягким, что можно было предположить, что его сердце содрогается от рыданий.— Я дал слово себе, что я отомщу Белому чуду за смерть моего любимого друга. Бедный Найт! Он был таким романтиком, с таким чистым сердцем, с такой светлой головой. Я поклялся, что я взойду ради его памяти на Белое чудо, где он нашел такую героическую смерть. Но вы знаете, что надо сильно готовиться к такому восхождению. И поэтому я хочу в порядке тренировки отправиться в Читрал, где высится краса Пакистана — гордый Тирадьж-мир, — и сделать там попытку восхождения. Места вокруг него, говорят, неповторимо обворожительны. И я хочу побродить в том районе. А вы, дорогая леди, — закончил он, обращаясь к хозяйке, — совершенно правы в одном: я не занимаюсь политикой, сейчас так много есть любителей заниматься ею, что мы ее им и предоставим...

— Горы горами, но вы должны посмотреть наш чудный город, наш Лахор, — сказал один купец с усами такими седыми и колючими, что даже отдельные волоски их воинственно закручивались. — Под горами там только деревни, а тут... В общем, это нужно обязательно...

— Конечно, — с живостью ответил Фуст, — завтра с утра я начну это знакомство. И я заранее предвкушаю, какое ждет меня удовольствие.

Тут хозяйка попросила всех последовать за ней.

Перешли в комнаты, где были накрыты столы. Фуст не имел особого желания есть, но у гостей аппетит был превосходный, и не только у мужчин. Женщины, слегка возбужденные разговорами о горах, опасностях, о высоких материях, ели все подряд, и было приятно смотреть, как они брали своими длинными и тонкими пальцами очень искусно прямо с блюда, без помощи ложек и вилок, горячий рис хорошо приготовленного плова, брали мясо в соусе, погружали пальцы в тушеное мясо с овощами, и их белозубые рты поглощали все это без всякого стеснения. Они обсасывали кости, снова отправляли пальцы в блюдо, и тонкий слой жира ложился на полированные ногти и оставался на красных губах, которые они облизывали тонкими язычками.

Мужчины не отставали от них. И то, что это делалось не в ашхане, а в богато убранных комнатах, то, что брали не с деревянного блюда, а со старинных фарфоровых блюд, ничуть не унижало ни кушаний, на славу приготовленных опытными поварами, ни этих хорошо одетых дам и мужчин, так ловко и аппетитно отправлявших в рот хорошие куски плова и тушеного мяса. Ни одна рисинка не упала на пол, ни одна капля соуса не испортила праздничных платьев.

Женщины смеялись совершенно искренне своим шуткам, они говорили о своих делах, обсуждали разные городские происшествия, обменивались короткими фразами, в которых давали характеристику Фусту, но все это было уже не на английском языке, а на том сильном и точном урду, которое было предельно выразительно.

Теперь мужчины завладели Фустом, и их разговор был уже иного порядка. Пока дамы поглощали жареный миндаль, солоноватые фисташки, ели фрукты, похожие на сухие апельсины и называвшиеся «шаритта», и громко хрустели столбиками сахарного тростника, так что зеленая кожура его лопалась и распадалась на части, мужчины расположились маленькими группами, и Аюб Хуссейн, следивший, чтобы всем было не скучно, переходил от одной группы к другой и вступал в разговор с того места, на котором он заставал собеседников. Поэтому его реплики были иногда очень удачны своим полным несовпадением с темой, но тем не менее они отвечали настроению, как слова пифии, сказанные наудачу и загадочно.

Так, подойдя к той группе, где стояли Фуст, молодой пакистанец и один из заслуженных банковских деятелей, он с удивлением обнаружил, что речь шла о значении халифата, повидимому, в прошлом, так как сегодня халифата нигде не существовало.

— Всегда кто-то кому-то наследует, — сказал банковский деятель. — Почему, если исчезла Османская империя, мы не можем встать во главе мусульманских стран, принять от Турции в наследство идею халифата?..

— Надо воскресить чувство веры, — сказал, вмешиваясь в разговор, Аюб Хуссейн. — Когда светильник веры будет светить из самой бедной хижины, мы обновим идею, и к нам придут все, чтобы возжечь от пламени истинной веры... Я не хочу сказать, что мы сейчас не можем быть носителями этой идеи, но Пакистан — святая страна, и когда простая душа ее народа будет поддержкой наших дел, халифат появится сам собой. Я бы сказал, что надо развивать еще как можно шире торгов-

лю со всеми странами, которые могут дать нам что-нибудь полезное.

Молодой купец сказал:

— Я понимаю вашу мысль так: если будет мир, и мы сумеем поставить нашу торговлю на высоту, и народ будет от этого богаче, мы создадим такое положение, при котором свет веры воссияет с еще большей силой, и тогда Карачи может быть новым Багдадом — столицей халифата...

— Багдадских халифов обогащала, — сказал Фуст, — увы! — война... Если бы они только торговали, мы бы не знали славы халифата. Она покоилась на всемирных завоеваниях.

— Я не отказываюсь быть всемирным завоевателем, — смеясь, сказал Аюб Хуссейн, — но мы знаем и мирные империи современных магнатов капитала, королей металла и нефти, резины и угля.

— Они не совсем мирные, — сказал Фуст, — они даже совсем не такие мирные, но идея халифата мне нравится. Она даст большую внутреннюю уверенность вашему государству в момент, когда в других мусульманских странах есть тяга к объединению и защите своих интересов...

В эту минуту старый купец с седыми и колючими усами подошел к Фусту и, взяв его за руку тонкой, как ореховая палочка, и такой же сухой и гладкой рукой, спросил:

— Скажите мне, почему, по-вашему, победил народный Китай? Подождите, — сказал он, когда Фуст сделал невольное движение, — подождите, у Чан Кай-ши было все: армия, флот, авиация, деньги, полиция, танки, пушки — все; у них ничего не было — и они победили, народный Китай победил. Почему?

— Вы задаете вопрос, на который вы сами не можете ответить, — сказал банковский деятель. — Если мы будем спрашивать нашего гостя о таких вещах, он может подумать, что мы у себя боимся того же самого...

— Нет, нет, я спрашиваю вас, — сказал упрямый старик, нетактично зажав руку Фуста своей цепкой лапой.

Фуст сказал:

— Я не занимаюсь политикой. Это не моя специальность. Я что-то плохо понимаю в этих делах, но я где-то читал отзыв специалиста, который писал, что власть в гоминдановском Китае была плохо организована. Там не было сильной власти, хотя бы такой, какую мы видим в Пакистане.

Старик закашлялся, точно слова Фуста застряли у него в горле. Откашлявшись, он извлек из заднего кармана своего сюртука платок, вытер губы и сказал почти молодым и звонким голосом:

— Но поймите, что глупо требовать от нас правления, похожего на нелепые порядки европейской демократии. Вы правы, Пакистан не Китай. Но все-таки скажите мне, как вы сами понимаете, что же все-таки произошло в Китае? Ведь вы союзники Чан Кай-ши. Значит, и вы проморгали...

Бестактного старика хотел унять Аюб Хуссейн. Он сказал шутя:

— Это случилось внизу, когда наш друг подымался на горы. Когда он спустился, было уже поздно. Дорогой, почему ты спрашиваешь человека, который занимается природой и наукой, о вещах, о которых надо спрашивать у специалистов, и даже у военных специалистов?

Но старик не унимался. Он погрозил в сердцах пальцем и сказал:

— Я все равно из Пакистана не убегу. Я старик, я не буду защищать свои деньги. Молодые пусть защищают и свои и мои деньги, а я не могу. Но я не убегу. Я останусь там, где я родился и жил. Вот мой ответ. Я останусь в Лахоре...

И он пошел, слегка покачиваясь на ходу. Слуги разносили лимонную воду, апельсиновую воду, фруктовую воду, просто холодную воду. Вина не было ни капли.

Хозяин покачал головой, лукавый огонь в его кошачьих глазах вспыхнул и потух, и он сказал, не комментируя слов старика:

— Сейчас мы послушаем музыку.

Фуст плохо разбирался в музыке и никогда не скрывал этого. Поэтому он занял удобное положение на диване у стены и равнодушно смотрел на то, как рассаживались гости, как вошли музыканты, поклонились, сели на ковер, стали настраивать инструменты. Даже тени любопытства не было у него при виде необычной формы громадного подобия гитары, широкой прямоугольной скрипки и двух разукрашенных барабанов.

Фуст знал, что этот большой и на первый взгляд неповоротливый и тяжелый инструмент зовут «ситарой». Большая гитара опиралась на два больших, как ему показалось, сплющенных кожаных шара и кончалась красиво изогнутой головой павлина, грудь которого вся была в цветных узорах и блестела, будто смазанная маслом.

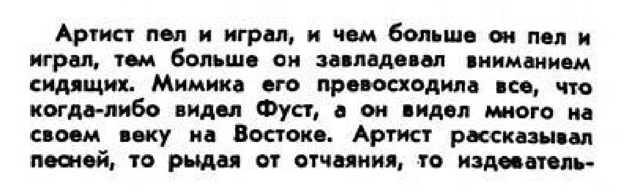
Фуст погрузился в состояние бодрствующего в полусне. Тихие, мурлыкающие звуки, рождаясь где-то у земли, вдруг сменились хрипением и таким резким воплем, подымавшимся к потолку, что следить за движением и нарастанием единства этой музыки Фусту было не под силу. Мало этого, он просто не выносил подобной музыки, и каждый ее резкий звук, вырывавшийся из массы других, вонзался в него, как шип. Не успел он приготовиться к следующему такому удару, как вдруг музыка стала мелодичной и нежной и полилась сверкающим южным дождем, таким широким звуковым водопадом, что, казалось, омывала тело, как теплая, светящаяся влага.

После музыкантов выступил певец — известный старый артист. Его немного одутловатое лицо, очень серьезное, с маленькими слоновыми глазками, тихими и вместе упрямо смотревшими перед собой, будто он никого не видел и сидел один в комнате, никак не обещало той тонкой иронии и сложных перевоплощений, на какие он оказался способным.

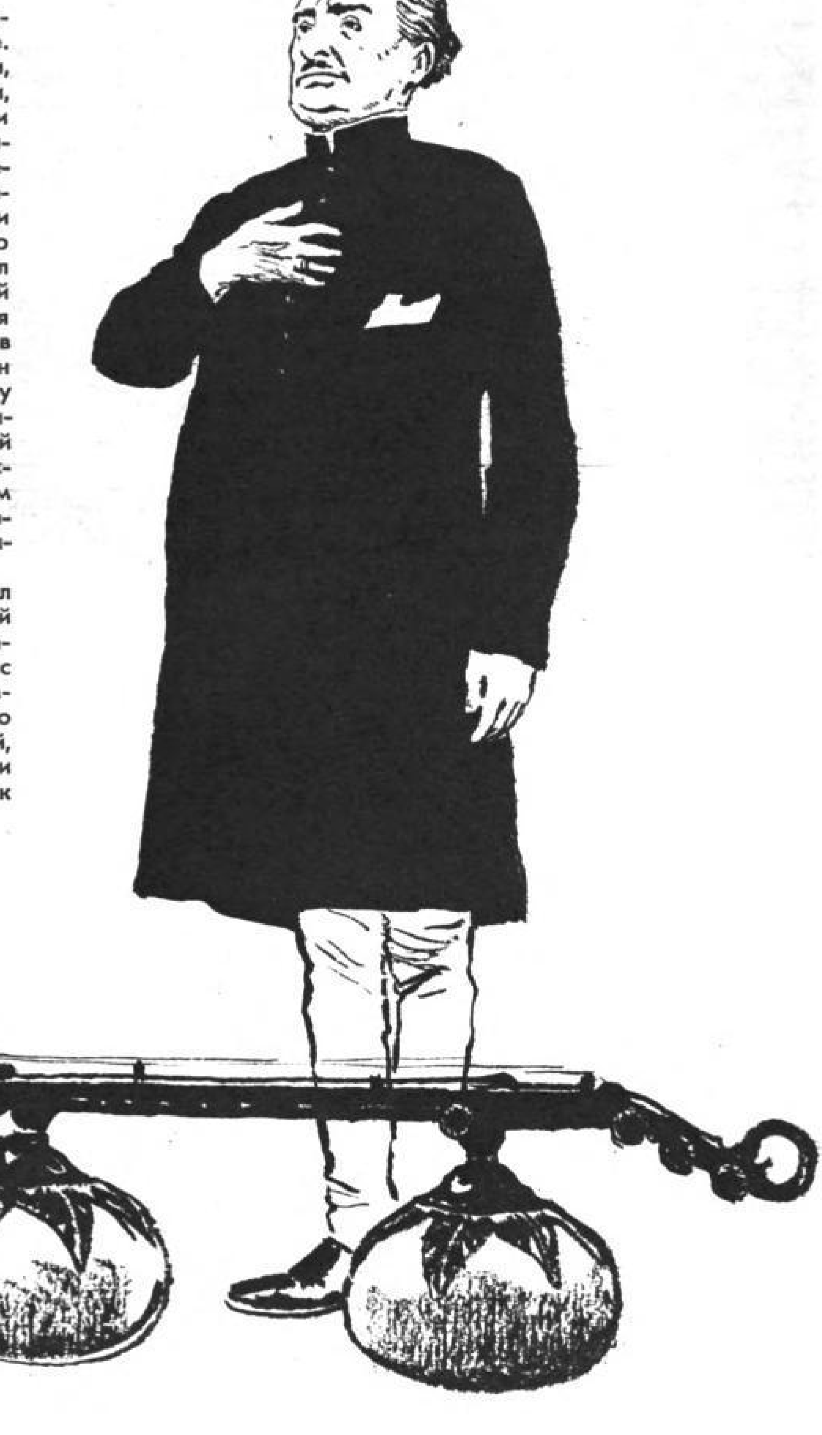
— Он мог бы выступать в старину при дворе какого-нибудь повелителя вселенной, вроде Надира или Махмуда, которые по своему капризу могли наполнить его ситару золотом или налить его расплавленным в горло певцу, — шепнул Фусту Аюб Хуссейн.

Фуст приготовился снова погрузиться в свой полусон, но ему не пришлось этого сделать. Артист настроил ситару и поднял руку. Он заиграл и запел сразу.

Сначала Фусту показалось, что у него нет голоса, что он поет так тихо, потому что громче не может, и это, конечно, странно, что сидят люди и слушают старого человека с усталым взглядом умных маленьких глаз, который никому почти не слышен, как будто он поет только для себя и для ближайших к нему слушателей, сидящих в трех шагах от него.

Артист пел и играл, и чем больше он пел и играл, тем больше он завладевал вниманием сидящих. Мимика его превосходила все, что когда-либо видел Фуст, а он видел много на своем веку на Востоке. Артист рассказывал песней, то рыдая от отчаяния, то издевательски смеясь, о своей возлюбленной, о своей мучительной любви. Пальцы его легко и сложно трепетали в воздухе, падали на ситару, потом уже по-другому взлетали так, точно он ломал их и отбрасывал в сторону и они снова возвращались к нему.

Интонации его голоса были очень многообразны, временами казалось, что поет несколько человек сразу, целый квартет, над которым господствует его то тоскующий, то ликующий, то насмешливый голос.

Всем было видно, что это большой талант, имеющий силу и право именно так петь стихи старого-старого иранского поэта, который плакал бы от радости, слыша, как такой большой и очаровывающий певец доносит его давно написанные любовные стихи до людей совсем другого века, сидящих неподвижно, охваченных молчаливым восторгом.

Артист исполнил еще несколько песен и, усталый, встал под аплодисменты благодарных

людей, которым он так углубил простой званый вечер, наполнил его большим музыкальным и поэтическим волшебством.

— Вы любите бетель? Вы должны знать его, если жили на Востоке,— сказала Салиха Султан Фусту, предлагая ему толстые листья перечного дерева с наклеенными на них тончайшими серебряными полосками. Гости жевали их вместе с этими полосками.

— Я ем,— сказал он, еще полный впечатления от старого певца,— но я вас должен особо поблагодарить за музыку и пение.

Салиха Султан довольно улыбнулась. Она была инициаторшей приглашения старого артиста, она его обожала, будучи еще студенткой, и обожала сейчас, когда далеко ушли ее молодые годы.

Фуст жевал бетель. Женщина с пухлыми ручками говорила ему быстро-быстро:

— А в Америке жуют бетель? Или там только жевательная резина? Но бетель полезнее. Он с серебром. Мы уже тысячу лет едим серебро. Это очень полезно. Вы, наверно, видели на базаре, что мясные туши облеплены таким множеством мух, что не видно мяса. Но на нем наклеены полоски серебра, и оно вполне годно в пищу. Серебро убивает всех микробов. Правда, правда, вы можете мне поверить. Жуйте бетель, он полезней жевательной резины.

Фуст слушал птичье воркованье, и от музыки, пения и ярких одежд и лиц, от тепла комнат, от усталости с дороги ему хотелось уйти в какой-нибудь тихий угол. И его опять выручил хозяин.

— Зная вашу любовь ко всему прекрасному,— сказал он как-то очень внушительно и любезно,— я позволю себе показать вам одну вещь.

И он увлек гостя в комнату, удаленную от шумных помещений, наполненных народом, который, правда, начал редеть. Супружеские пары исчезали одна за другой, но Фуст этого уже не видел.

Он сидел в тихой, прохладной комнате с такой мягкой мебелью, что, садясь на нее, вам хотелось опереться на подушку, чтобы не утонуть в ее засасывающей мягкости.

У маленького столика сидел человек, который в отличие от множества гостей был в европейском, хорошо сшитом смокинге, при бледносиреневом галстуке. Большие манжеты с синими квадратными запонками высовывались далеко из рукавов и лежали на его коленях, из бокового кармана торчали два уголка белоснежного платочка.

Сам он был упитанный, хорошего роста, широкоплечий, можно было даже сказать про него, что он не чужд военной службе. Большое, чуть скуластое, цвета светлой глины лицо его было чисто выбрито, волосы зачесаны на пробор, смазаны чем-то пахучим и приторно клейким.

Во всех его движениях была уверенность и сила. Его предупредительная улыбка могла смениться жесткой усмешкой, а черты большого лица исказиться такой злобой, что глаза у него станут блестеть, как угли, на которые подули.

Аюб Хуссейн вошел не один. С ним вошел высокий, с бородой веером человек, который был среди гостей, как и гость в смокинге, но держался где-то далеко от Фуста и не подходил к нему в течение всего вечера.

Сейчас оба они очень церемонно поклонились, и хозяин поставил на стол небольшой ларец типично кашмирской работы. Он был сделан из сандалового дерева и полон тем удивительно живым, сладостным запахом, который неистребим и вечно живет в воспоминаниях.

Открыв ларец, Аюб Хуссейн извлек из него завернутую в зеленый шелк дощечку, и, когда он развернул ее, лукавые огоньки в его глазах забегали с невиданной силой, и он сказал:

— Это копия, но какая!.. Того же времени, что и оригинал.

И все четверо наклонились над столом. Перед ними лежала удивительно тонко исполненная иранская миниатюра. Она изображала могольских принцесс, играющих в поло. Все детали миниатюры были исполнены жизненности, и краски были такие свежие, точно работа была окончена вчера.

Позы амазонок-принцесс говорили о большом реализме мастера. Наклонившаяся за мячом так решительно и увлеченно противоборствовала своей сопернице. Она совсем нагнулась с седла, стоя на одном стремени, чтобы попытаться отбить мяч. Столько правдивой грации было в этом наклоне и в поднятой руке спешившей к этому месту другой наездницы, и в озабоченном лице красавицы слева, сдерживавшей своего горячего коня по всем правилам кавалерийской школы того времени, столько скрытого изящества в последней слева девице, высоко поднявшей ненужную ей палку с молоточком и тоже осадившей белого коня, привстав на стременах, что все любовались, не скрывая своего восхищения.

— Ну как, дорогой Моулави? — сказал хозяин, обращаясь к высокому и костлявому бородатому гостю.

— Я бы сказал, что это предел совершенства, но я должен рассмотреть еще одну подробность.

Он взял миниатюру и понес ее к окну, где, вооружившись лупой, вместе с хозяином углубился в тщательное отыскивание одному ему известной детали.

Плотный, широкоплечий человек перегнулся через стол к Фусту, разжигавшему впервые за вечер трубку, и сказал:

— Не правда ли, хорошая работа? Славные девицы — эти могольские принцессы. Это говорю вам я, Ассадулла-хан, а я кое-что понимаю в женщинах... Вы мне что-нибудь скажете?..

— Ассадулла-хан,— сказал быстрым, скользящим шепотом Фуст,— меня просили передать вам следующее, запомните: совершенно необходимо убрать Арифа Захура... Меня просили передать это вам лично. Я передаю...

Фуст затянулся дымом и откинулся на подушки.

В следующую минуту, пока Ассадулла-хан смотрел на него блестящими глазами, он так же быстро сказал:

— Он слишком перешел черту. Он не коммунист, но он хуже коммуниста.

Ассадулла-хан поправил платочек в наружном кармане и сказал, как будто дело касалось совсем обыкновенной вещи:

— Все будет сделано. За мистера Гифта не беспокойтесь. У него дела идут хорошо. Он будет завтра или послезавтра.

— А как с поездкой?

— Аюб Хуссейн дает вам свой «додж». И своего шофера. Он его хорошо знает. Бывший солдат, участник войны. Лошадей и людей я дам вам, когда нужно, ближе к перевалу.

Хозяин и Моулави возвращались к столу, громко разговаривая о том, что старые миниатюры — это удивительное искусство и как жаль, что сегодня секрет его утерян.

— Вы знаете,— сказал Моулави,— в поло играли еще во времена Салаэддина, во времена крестовых походов. Это военная игра для тренировки людей и лошадей. При халифах она тоже процветала. Теперь это чистый спорт.

— Дорогой друг,— сказал Аюб Хуссейн,— теперь, когда знаток этого искусства, наш достойный Моулави подтвердил настоящую ценность этой чудесной миниатюры, ее подлинность восемнадцатого века, я прошу вас принять ее как недостойный дар скромного купца знаменитому открывателю новых высот и в память пребывания в моем доме в этот счастливый для меня день.

Он поднес сандаловый ларец с миниатюрой, снова завернутой в зеленый шелк, Фусту, который смотрел на хозяина, делая самую добродушную мину и стараясь улыбнуться как можно приветливее. Он сказал:

— Вечер, который я провел в вашем доме, никогда не изгладится из моей памяти. Каждый раз, когда я буду смотреть на это истинное произведение искусства, я буду думать о дружбе, о моем великом уважении к вам и вашей семье.

Фуст пожал руку Моулави и Ассадулле-хану и в сопровождении хозяина покинул дом, где провел такой долгий и такой любопытный вечер. Хозяин проводил его до машины. Указывая на шофера, небольшого роста человека, аккуратно одетого в куртку с серебряными пуговицами, он сказал:

— Этот шофер поедет с вами в поездку. Его зовут Умар Али. Он ничего и никого не боится, кроме Аллаха и меня.

Когда гости разъехались и огни в доме погасли, а слуги убрали остатки еды и блюда, тарелки, блюдечки и чашки, красивая и возбужденная Салиха Султан, пылая негодованием, спросила своего мужа:

— Неужели ты подарил этому американцу ту иранскую миниатюру, где могольские принцессы играют в поло?

На лице Аюба Хуссейна не отразилось волнение его жены.

— Да,— сказал он.

— Но ведь ей нет цены! Что же ты сделал!..

— Если ты думаешь, дорогая моя Салиха Султан, что я сошел с ума, звони по телефону и вызывай врача. Но я не сумасшедший. Такую миниатюру, копию такой миниатюры, мастер, которого знает твой и мой друг Моулави, может делать раз в месяц, каждый месяц. Эта сделана три месяца назад...

— Ну, смотри, а то ты меня чуть не убил,— сказала Салиха Султан,— теперь я спокойна.

— А откуда ты уже узнала, что я подарил американцу миниатюру?

— Дорогой султан моего сердца! Как хозяин, так и хозяйка должны знать все, что делается в доме. Разве это плохо? Ты никогда не жаловался на меня, что я тебе плохой помощник. Правда, Аюб Хуссейн? Правда? Тебе нечего возразить?

* * *

Фуст вернулся к себе в отель поздно. Хотя он не выпил ни одной капли вина, но голова его была какой-то тяжелой. Он не нравился сам себе. То, что предстояло ему, было неясным. Он не хотел в это вдумываться наедине. Он хотел подождать приезда Гифта.

Он бросил в камин старые газеты, они горели ненужным, ничего не говорившим огнем. Туда же, в камин, он отправлял письма и разные бумаги, которые накапливаются в дороге: все эти квитанции, билеты, расписки, счета, записки. В дальнейшем путешествии все это ни к чему.

Белая тень легла перед дверью. Луна выбелила двор так чисто, что Фусту показалось, будто на дворе лежит снег. На деревьях тоже. Ему стало неприятно. И эти сегодняшние разговоры о Белом чуде...

Он боялся посмотреть в окно на двор. Он боялся увидеть перед собой видение этого чудовища, выходившего из мрака ночи всеми неизмеримыми ребрами своих ледяных стен. Как будто холод этого ночного призрака проник в комнату. Фусту стало нехорошо. Он выпил виски, не разбавляя его водой. И прислушался. Ему показалось, что стучат в ту маленькую дверь за спальней, в ванной комнате.

Неужели этот сумасшедший пришел снова, чтобы говорить об этих ужасных темнозеленых ящиках? Да, в этой стране бегают за каждым верблюдом и ишаком, чтобы получить навоз для своего маленького поля.

Он идет к двери и стоит перед ней. Если он откроет ее и за ней будет стоять не жалкий, скрючившийся человечек, а тот, кто остался там, на горе...

Ну, Фуст, твои нервы пришли в упадок! Он растворяет дверь сильным движением. Перед ним внизу пустынная площадь. Где-то в листве мелькают огоньки. Никого нет на маленькой галерейке. Деревья с черной, жестяной листвой стоят перед ним.

Он возвращается в комнату с камином. Бумаги догорели. Он опускает шторы на окне, выходящем на большой двор, и сидит в кресле, пьет виски, курит, закрывает глаза, какие-то люди идут перед ним. А, это те русские в Амритсаре! Он снова закрывает глаза и с виду погружается в сон, но он весь полон тревоги и опять видит кошмар. Индиец швыряет палкой, разбрасывает песок и мокрый пепел, кости, которые рассыпаются, и протягивает Фусту золотой зуб. Фу!

Он говорит, этот индиец:

— Фуст — золотой зуб человечества.

Так не заснешь... Он берет таблетку и глотает ее. Это тоже не то. Он по ошибке проглотил таблетку дильдрина (два раза в неделю от малярии, через три дня утром с водой, реклама — анофелес, приколотый к карте тропиков булавкой с красной головкой...).

Он пьет виски и принимает двойную порцию снотворного. Сон приходит.

Продолжение следует.

Весна

Расул ГАМЗАТОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

1. В вагоне

Белесыми тучами, сизыми долами
На юг провожала равнина меня.
И дрались вороны над рощами голыми,
И реки дремали, безмолвье храня.

Березы, забыв о веселых поклонниках,
Казалось,
ко мне обращались с мольбой:
— Взгляни, как продрогли мы в платьицах
тоненьких.
Ты едешь к теплу,
захвати нас с собой.

Буфетчица в шубке и белом переднике
Спешила дорожную снедь разнести.
А между вагонами,
как безбилетники,
Попутные ветры шептались в пути.

Хоть сутки уж едем, с теплом невезение:
Посмотришь в окно — не отстала зима.
Но вот просыпаюсь — и солнце весеннее
Сверкает вдали над вершиной холма.

И пусть еще должен был ехать изрядно я,
Но мне показалось,
лишь глянул в окно,
Что вижу тебя я,
моя ненаглядная...
О, как мы с тобой не видались давно!

Вчера еще крышу снежинки царапали,
На санках мальчишки катались с горы,
А нынче
озимые видятся нá поле,
Слетаются птицы весенней поры.

И малые речки большими вдруг сделались,
И утки заполнили каждый ставок,
И окна открыть пассажиры осмелились,
Хоть был проводник несговорчив и строг.

Наш поезд дорогой летел магистральною.
И, видя вдали очертанье хребтов,
Я знал,
что уже на платформу вокзальную
Ты вышла с букетом из первых цветов.

2. На бульваре

Похож бульвар на майское кочевье:
Здесь ручеек лепечет, как дитя,
В ладонях новорожденных
деревья
Пригрели капли первого дождя.

А на скамье два старца, отдыхая,
Сидят с утра.
Их радость чуть грустна.
«Вот и весна», — сказал один, вздыхая,
Второй о чем-то вспомнил: «Да, весна».

Бросает взгляд мой сверстник не без ласк
На тоненькую юную жену:
Вдвоем везут наследника в коляске,
Встречающего первую весну.

Над мальчуганом щебет хлопотливый,
Дождинки и небес голубизна.
«Вот и весна»,— вздохнул отец счастливый.
Мать нежно улыбнулась: «Да, весна!»

Склонились две студентки над тетрадкой.
Но нелегко им заниматься тут:
То глянут на прохожего украдкой,
То вдруг шептаться весело начнут.

За это им, наверное, придется
Ночь над конспектом провести без сна.
«Вот и весна!» — одна из них смеется,
Вторая лишь вздыхает: «Да, весна!»

А в поздний час под сенью листьев сонных
Я шел и думал с гордостью земной:
«Как много в нашем городе влюбленных!
Скамейки нет свободной ни одной».

Какой-то парень,
словно мне на зависть,
С девчонкой целовался... Ночь. Луна.
«Вот и весна»,— вздохнул я, улыбаясь,
И отозвалось сердце: «Да, весна!»

3. В канцелярии

Луч солнца лежал на пороге,
Поблескивал темный паркет.
Начальник суровый и строгий
Вошел не спеша в кабинет.

Улыбкою зá год впервые
Его озарились черты:
Пред ним в кабинете живые
Стояли в стакане цветы.

Вот сел он к столу деловито,
И взгляд на бумаги упал.
«Что это такое!» — сердито
Он, брови нахмурив, сказал.

Всем сразу
(скажите на милость!)
Его сослуживцам пяти,
Как будто они сговорились,
Приспичило в отпуск идти.

Заочник: «Мол, сессия снова».
Второй уезжает к родне.
У третьего месяц медовый
Давно приурочен к весне.

А этого нá море тянет.
К тому возвратилась жена...
Цветы захмелели в стакане,
Свистели стрижи у окна.

Подумал начальник в печали,
Усы расчесав гребешком:
«Курьеры медлительны стали,
Не ездят, а ходят пешком».

К лицу машинисткам улыбки,
Но в эти весенние дни,
Как назло,
двух слов без ошибки
Не могут отстукать они.

Не сводит блаженного взгляда
Его секретарша с окна,
К нему в кабинет без доклада
Людей пропускает она...

Прощай, мой герой канцелярский,
Прощай и сочувствий не жди!
В аул уезжаю аварский,
О нем разговор впереди.

4. В ауле

Ущелье сотрясается от гула,
Гремит в ущелье вешняя вода.
На плоских крышах моего аула
Зазеленели травы, как всегда.

А над рекой, округла и поката,
Высокой грудью кажется гора.
И мордочками белые ягнята,
Как близнецы, к ней тянутся с утра.

Полно цветов сегодня красноватых
На персиковой веточке любой,
Как будто стая воинов пернатых
Вела в саду кровопролитный бой.

Как много птиц!
Без их заглавной роли
Стихотворенье жить бы не могло,
А тракторы,
хоть пашут землю в поле,
В стихи не лезут критикам назло.

Любя цветы и горные потоки,
Желаю я,
чтоб людям всей земли
Несли тепло взволнованные строки,
Как на широких крыльях журавли.

Перевел с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

В. А. Арлашин (СССР). В КИРГИЗСКОМ АИЛЕ. СВОЙ ФОТОГРАФ.

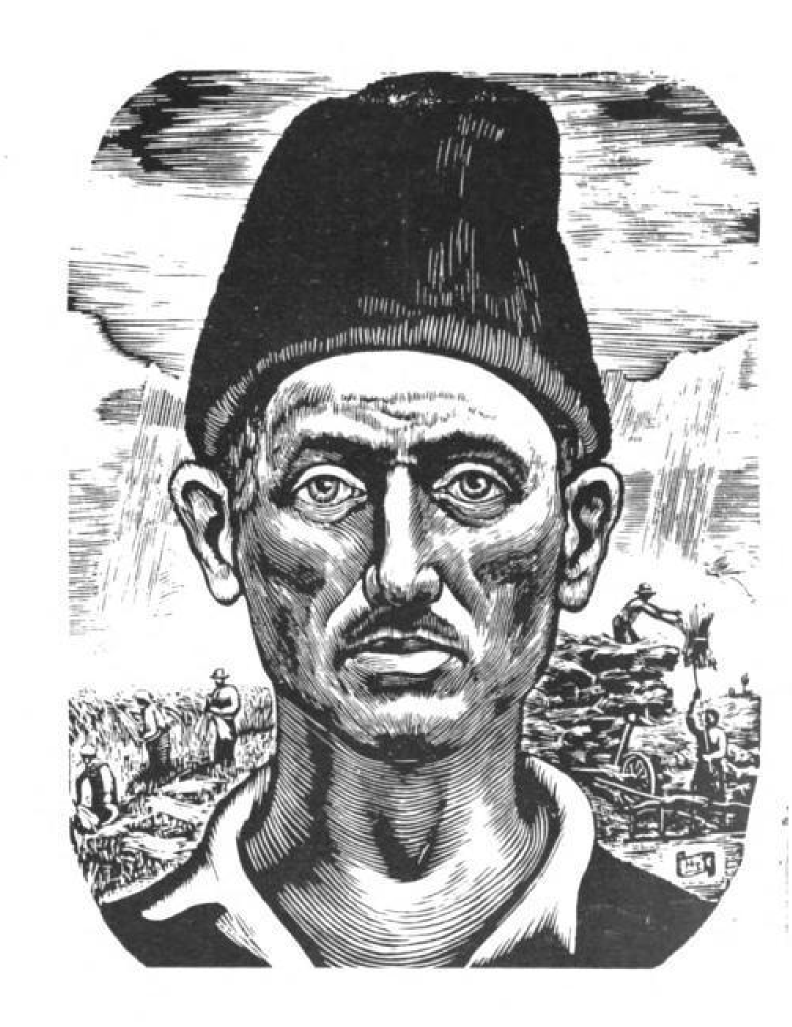
Вторая выставка произведений молодых художников Москвы и Московской области.

«Огонек». 1956.

Янош Блашки (Венгрия). ВЕНГЕРСКИЕ ГОСТИ У КОЛХОЗНИКОВ.

Выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1955 года.

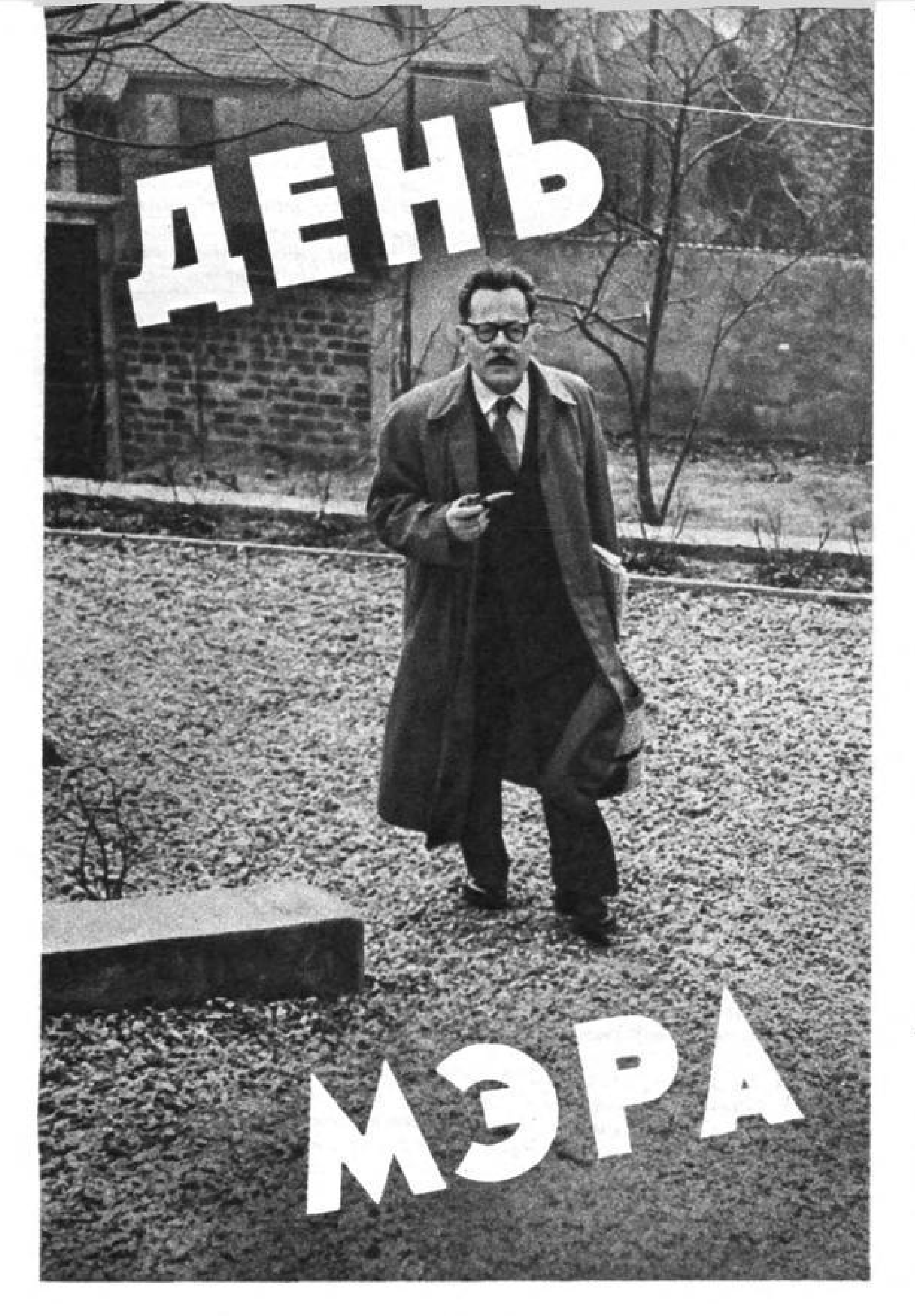
Евтим Томов (Болгария). ПАХОТА. Цветная литография.

Никола Златев (Болгария). КРЕСТЬЯНИН. Гравюра на дереве.

Сава Шуманович (Югославия). ПОД МОСТОМ.

Фернан САТЕЛЬ,
французский журналист

Над портом Гавра несутся мерные удары колокола. Каждое утро в половине седьмого он созывает докеров на работу. Под звуки колокола просыпается и семья старого учителя Рене Канса, нынешнего мэра города.

...Маленький домик прилепился к склону косогора, откуда видны весь город, доки, рукава Сены — красивый, радующий глаз родной пейзаж. В кухне у стола собрались все обитатели дома — Рене Канс, его жена Габриэль, дочь Дениза, бабушка, приютившаяся здесь после того, как бомбежка 1944 года развалила ее квартиру. Пять лет тому назад вместе с родными жил и старший сын, Пьер, тридцатилетний педагог, но теперь он в Драгининьяне, на юге Франции...

Пока в чашках остывает кофе, Рене Канс рассказывает мне историю выборов, рассказывает живо, с увлечением, словно они происходили вчера:

— Вы, конечно, знаете, что избиратели и раньше оказывали большое доверие нам, коммунистам: у нас бывало пятнадцать — шестнадцать советников в прежних составах муниципалитета... Социалисты и радикалы обычно располагали четырьмя—пятью местами, остальные шестнадцать — восемнадцать принадлежали правым партиям. Так оно и продолжалось, это «неустойчивое равновесие»...

Рене Канс задумчиво размешивает ложечкой кофе.

— Собственно, мы уже давно могли иметь рабочий муниципалитет в Гавре. Увы! — Глаза старого учителя выражают искреннее сожаление. — Социалисты и радикалы упорно не желали идти вместе с нами на выборах... И вот в 1947 году реакционерам удалось снова посадить в кресло мэра старого прихлебателя нацистских оккупантов, адвоката по имени Пьер Куран.

Правый муниципалитет, — продолжает хозяин домика, — вел дела так, что городу грозила полная катастрофа. Естественно, что возмущение трудового населения Гавра росло с каждым годом. Были назначены внеочередные выборы. Как вам известно, они принесли блестящий успех коммунистической партии: мы получили 42 процента всех голосов и восемнадцать мест муниципальных советников. У социалистов и радикалов шесть мест, зато Пьер Куран со своими приверженцами должен был удовольствоваться тринадцатью...

Так впервые в истории Гавра после выборов 30 января этого года муниципальный совет возглавил коммунист.

Рене Канс допивает кофе и говорит, что ему пора «глотнуть воздуха».

Уже половина восьмого. Шестнадцатилетняя Дениза спешит в лицей. Отец нежно прощается с дочерью: когда он вернется домой, она будет уже спать.

Вдвоем с мэром мы прогуливаемся по дорожкам маленького сада.

— Это и есть мой «глоток воздуха»,— говорит, смеясь, Рене. — Когда-то у меня был здесь настоящий сад, я ухаживал за деревьями, сажал и овощи. Но теперь бросил: слишком утомительно. Мне ведь 62 года.

Я вгляделся: на вид он казался гораздо моложе.

Часы показывают 8.45. У калитки зашумел мотор. Это машина, предоставленная в распоряжение мэра. Мы едем в мэрию.

По дороге шофер рассказывает Рене Кансу городские новости, а я привожу в порядок свои заметки. «В коммунальных учреждениях и на предприятиях Гавра — города со стошестидесятитысячным населением — работает 1 750 человек... Годовой бюджет — до 4 миллиардов франков... Общая длина улиц — 350 километров...» Да, немалое дело лежит на плечах гаврского муниципалитета!

Ровно в девять мы входим в мэрию. Помещение временное, какая-то вилла; старое здание, разрушенное во время войны, еще не восстановлено. В доме всего несколько комнат, остальные учреждения муниципалитета разместились в бараках на ближних улицах.

Короткое утреннее совещание... Рене Канс со своими помощниками набрасывает программу рабочего дня. Помощников четверо: судовой плотник Луи Эдье, рабочий-металлист Андре Дюромеа, докер Альберт Дюкенуа, строитель Даниэль Кольяр.

Следующие полчаса мэр посвящает чтению свежих гаврских газет. Газеты буржуазные.

— Как они относятся к новому муниципалитету? — спрашиваю я.

— Нельзя сказать, чтобы очень доброжелательно, — отвечает Рене. — Но рабочие горой за нас, и с этим приходится считаться. Раньше эти газеты вели себя так, будто в Гавре произошло землетрясение или наступает «ночь длинных ножей».

Мы оба смеемся.

— А теперь,— заключает мэр,— они увидели нас за работой, успокоились и... стараются замолчать то, что мы делаем.

Курьер мэрии открывает дверь. Начинается час «служебных дел» — прием работников различных муниципальных учреждений: административных, финансовых, строительных. Чиновники, которые служили и при прежнем мэре, ведут себя с привычной вежливостью. Коммунистов среди них нет.

Отпустив очередного чиновника, Рене Канс объяснил мне:

— Они тоже сделали «открытие», что коммунисты умеют успешно решать городские дела... Не прошло и нескольких дней после выборов, как на Гавр обрушились невиданные холода. Раньше это никого бы не обеспокоило, просто стали бы ждать сложа руки, пока морозы пройдут. Ну, а мы поступили по-другому. При первом же морозе отдали приказ: «Всю ночь отапливать школьные здания». Нас спрашивали с искренним удивлением: «А как же истопники? Неужели им работать всю ночь?» «Да, — ответили мы, — и придется оплатить им сверхурочную работу». Назавтра делегации родителей и учителей приходили в мэрию благодарить нас.

Десять часов, половина одиннадцатого, одиннадцать... На столе — толстые папки. Такие же папки в руках работников финансовой службы муниципалитета. Рене Канс нервно курит свою трубку.

Пьер Куран не созывал муниципалитета девять месяцев. Бюджет города так и не был утвержден. И вот уже второй месяц новые люди, пришедшие в мэрию, разбираются в тяжелом финансовом наследии. Они новички в этом деле, в сложностях бюджетной бухгалтерии. Но они учатся и не стесняются этого. Их учи-

Перед завтраком. Рене Канс, его жена Габриэль и мать жены госпожа Фотрос.

Гавр в районе Рю де Пари.

теля — специалисты городского финансового ведомства.

Теперь уже ясно, что положение дел далеко не блестящее. Пьер Куран оставил после себя дефицит в четыреста с лишним миллионов франков. Кто покроет его? При прежнем мэре никто не стал бы задумываться: все свалить на плечи трудового населения, а крупные торговые и промышленные фирмы заботливо оградить от этой «неприятности». Новый мэр считает это несправедливым: состоятельные люди должны первыми внести свой вклад, чтобы заткнуть образовавшуюся брешь.

— Сегодня обсудим это на финансовой комиссии, — решает Рене Канс, дружески оглядывая присутствующих.

Мэр заглядывает в свой календарь — там список ожидающих приема посетителей. На одиннадцать часов записано: «Господа из «Сен-Гобэн».

Входят трое хорошо одетых мужчин. Это акционеры крупного химического треста «Сен-Гобэн». Они хотели бы построить в Гавре новый завод. Рене Канс незаметно улыбается. Должно быть, он думает о тех, кто кричал два месяца назад: «Если коммунист станет мэром в Гавре, начнут закрываться предприятия, ни одно судно не придет в порт...» Однако эти господа из «Сен-Гобэн» собираются вложить 8 миллиардов франков в строительство нового завода; они просят только, чтобы муниципалитет взял на себя расход в 320 миллионов на подводку воды к предприятию... Рене Канс, подумав, говорит:

— Хорошо. Муниципалитет обсудит ваше предложение.

Половина двенадцатого... Пришла делегация от профсоюза гаврских моряков; он входит во Всеобщую конфедерацию труда и насчитывает до восьми тысяч членов. Речь идет о жизненно важном деле. Гавр — порт мирового значения, но... французский флаг вот-вот совсем исчезнет с рейсовой линии Гавр — Нью-Йорк. Два курсирующих на этой линии парохода, «Иль де Франс» и «Либертэ», достигли предельного возраста; они скоро должны выйти из состава действующего торгового флота. Между тем на стапелях гаврских доков нет ни одного строящегося трансатлантического парохода, а у американцев пароходы как с иголочки, оборудованные по последнему слову техники.

Мэр Гавра принимает решение:

— Делегация нашего муниципалитета вместе с двумястами моряков направится на днях в Париж, в министерство морского флота. Мы потребуем, чтобы было заложено для начала одно новое судно.

— Спасибо, товарищ! — говорят моряки и сильно хлопают ладонями по руке мэра.

И тут начинается история с рыбой... Впрочем, ей предшествует перерыв на завтрак. Мэр снова дома, в кругу семьи, но то и дело заходит за советом кто-либо из соседей. Рене Канс всегда старается выкроить из полуденного перерыва полчасика, чтобы заехать на одну из городских строек, в какое-нибудь коммунальное учреждение, на квартиру к инвалиду. «Я люблю видеть жизнь, как она есть», — говорит мэр.

Так мы попадаем на крытый рыбный рынок. Это — высокое сооружение из железобетона. Рабочие заняты уборкой, монтеры возятся с электропроводкой холодильника.

— Рыбаки нашего города, — говорит мэр, — уже несколько лет требовали начать восстановление этого крытого рынка, разрушенного бомбежкой. В 1950 году удалось наконец добиться решения муниципалитета. В 1953-м строительство было закончено. Но после этого бывший мэр еще три года держал помещение на замке. Для чего, спрашиваете вы? Для того, чтобы три крупнейшие в Гавре рыботорговые фирмы могли по своему усмотрению назначать цены на рыбу. Рыба продавалась в Гавре втрое дороже, чем в соседних портовых городах. А все оборудование рынка — холодильники и прочее, — разумеется, ржавело, портилось, выходило из строя...

Рене Канс сердито пускает клубы дыма из трубки.

— Мы теперь кладем конец этому безобразию! — говорит он. — Рыбный рынок будет скоро открыт. И с монополией крупных фирм будет покончено.

На обратном пути наша машина бежит вдоль Рю де Пари. Перед войной это была самая оживленная торговая улица в Гавре, раньше она пересекала ряд рабочих кварталов, теснившихся между портом и морем. Вся эта часть города была буквально сметена с лица земли бомбардировками с воздуха.

Сейчас по обеим сторонам Рю де Пари выросли новые дома. Но улица кажется безлюдной.

— Видите ли, — говорит Рене Канс, и в голосе его снова слышится возмущение, — дома, которые строились на Рю де Пари после войны, — дорогие, роскошные здания. Квартиры здесь недоступны для рабочего. А для рабочих строили гораздо худшие дома на далеких окраинах, вон там, к востоку, да и мало, очень мало их строили. Жилищный вопрос — это «проблема № 1» для нового муниципалитета.

Больше двух третей наших посетителей в мэрии — это люди, у которых до сих пор нет крыши над головой, — говорит мэр. — Перед войной в Гавре насчитывалось девятнадцать с половиной тысяч жилых домов, а разрушено в войну более двенадцати тысяч. Восстановление жилого фонда далеко не закончено, в мэрии числится свыше восьми тысяч семей, у которых катастрофическое положение с жильем. Мы разрабатываем план их переселения...

Близится вечер. Начинается заседание финансовой комиссии. На повестке дня — впервые после выборов — вопрос о состоянии городского бюджета.

Ровно в 17.30 члены комиссии в полном составе занимают места за столом. Тут коммунисты, социалисты, правые. Сразу же разгорается острая дискуссия. Прежний мэр, Пьер Куран, припертый к стене неопровержимыми фактами и цифрами, пытается снять с себя ответственность, возражает, отрицает. Он произносит патетическую речь против увеличения налогов на доходы крупных фирм. Два часа длятся прения, наконец обсуждение переносится на следующий день. Видимо, потребуется еще не одно такое заседание перед тем, как вопрос будет поставлен на пленарное собрание муниципалитета для окончательного решения.

Но уже завтра население будет оповещено о тех спорах, которые начались сегодня в кабинете нового мэра. И едва ли приходится сомневаться, что в решающем «бюджетном сражении», от исхода которого зависит будущее города, справедливые предложения коммунистической группы муниципалитета единодушно поддержат все трудящиеся Гавра — коммунисты, социалисты, беспартийные...

В кабинете мэра продолжается напряженная работа. Рене Канс и его товарищи составляют коммюнике о заседании финансовой комиссии. Текст отправят во все газеты, и, кроме того, большие афиши с этим текстом появятся на стенах улиц Гавра, в порту. Рене Канс говорит мне, что единство всех рабочих, всех трудящихся в защите своих интересов — огромная сила и на эту силу он и рассчитывает, переводя работу муниципалитета на новые рельсы.

Скоро полночь... Кончился рабочий день мэра города Гавра. Он возвращается домой усталый, но готовый завтра выполнять свой долг перед народом так же самоотверженно и честно, как сегодня.

В маленьком домике, прилепившемся к склону косогора, гаснут огни.

Гавр.

В одной из четырнадцати комнат отдыха, созданных в Гавре для пенсионеров, мэр встретился со старейшими рабочими города.

В СЕЛЬСКОЙ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ. Фото И. Тюфякова.

В РЕДАКЦИИ «L'UNITÀ»

Семен КИРСАНОВ

Не церковь, не музей,
не камень обелиска —
тут просто дом друзей,
незнаемых, но близких.

Я в теплой тесноте
столов, листков, заметок,
я в Риме, в «Унитè»,
в редакции газеты.

Тут собрался народ
из самой гущи буден,
тут дел невпроворот,
насущных, нужных людям.

Тут угощали нас
напитком, вроде виски,
печенье, суетясь,
носили машинистки.

Тут плотный и земной,
одетый не по-графски,
за дружбу пил со мной
рабочий типографский.

И хлопал по спине
с понятным смыслом ласки,
чем объяснял вполне
слова по-итальянски.

Товарищ репортер
вел разговор с поэтом,
догадкам был простор —
что в слове том,
что в этом!

И нет, не интервью
для прессы и вещанья —
от сердца оторву
листок я на прощанье.

Прощались, погостив,
с объятьями, как братья,
хотелось унести
в руках
рукопожатья.

Потом мы вышли в Рим
к Мария Маджиоре,
где мокрый снег покрыл
ее простор, как море.

Светилась темнота
от трубок газосветных,
светилась «L'Unità» —
название газеты.

За снегом мокрых спин
звучал еще знакомей
понятный шум машин,
печатающих номер.

Звучал, звучал в мозгу,
как музыка, незримо...

Я увезу в Москву
вот этот вечер Рима.

Новое селение

ВЭНЬ ЦЗЕ

Поверь, товарищ, собственным глазам:
Ты здесь бывал, теперь ты видишь сам —
В безлюдных, мрачных и глухих местах,
Где ящерицы ползали в кустах,
В пустыне Гоби — кто подумать мог! —
Поднялся к небу очагов дымок.
В краю глухом, где ты уже бывал,
Остановись, товарищ, на привал.
Вот беленькие домики стоят,
Пред ними тополей цветущих ряд.
Они еще малы. Но день придет —
И соловей на ветке запоет.
Забот немало у любой семьи.
Резвятся дети, точно воробьи.
А девушки лелеют виноград,
К побегам молодым прикован взгляд.
Отцы в полях — им сил не занимать!
У очага весь день хлопочет мать.
Гостям здесь рады. Кто сюда придет,
Любовь и дружбу в сердце унесет.
Покажется, что век с людьми знаком.
С дороги выпьешь чаю с молоком.
И снова в путь. Дороги далеки.
Но всюду вас встречают земляки.
Поверь, товарищ, собственным глазам:
Ты здесь бывал, теперь ты видишь сам —
Селенье выросло, пускай в один этаж,
Глаза протри: здесь быль, а не мираж.
Как звезд на небе, столько будет их,
Селений новых, навсегда моих!

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

НЕГР

А. КОВАЛЕНКОВ

Необычайное вспоминая,
Я берегу, никому не даря,
Раннее утро первого мая
Давнего школьного календаря.

Таяла свежая синька рассвета,
Заколыхались, зажглись кумачи,
Весело,
с песней
«За власть Советов»
На демонстрацию шли москвичи.

Вместе с мальчишками улицы нашей
Я затерялся, пропал с головой
В праздничной сутолоке,
грохоте маршей,
Медью сверкающих духовой.

Вынырнув,
выплыв на Площадь Коммуны,
В гуще такой, что ядром не пробить,
Я увидал, как взошел на трибуну
Негр. Настоящий. И стал говорить.

Стерлись, забылись слова перевода,
Но не забыть, как в эфир, в рупора
Сказано было по-русски: «Свобода!
Ленин!»
И все закричали: «Ура!»

Взрослым я видел потом, как солдаты
Дружно в атаку победную шли;
Так же «Ура!» громового раскаты
Ширились, эхо будили вдали.

Ну, а тогда, в это майское утро,
Мне показалось: дохнула гроза,
И на ресницах моих почему-то
Вдруг очутилась слеза.

Помню, как в небе высоком и ясном
Точечкой ястреб проплыл и пропал,
Помню, как гордо под знаменем красным
Негр с головой непокрытой стоял...

ИСКУССТВО ДРУЗЕЙ

Постоянный обмен пьесами, выставками изобразительного искусства, исполнителями — все это стало хорошей традицией в наших отношениях с народами великого Китая и стран народной демократии. Искусству друзей аплодируют зрители Москвы, Пекина, Варшавы, Бухареста, Будапешта, Праги и Софии, Тираны и Пхеньяна.

НА ПОЛЬСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

«Золотая карета» Л. Леонова в Варшавском общедоступном театре. М. Сервиньский в роли Березкина.

Театры народной Польши проявляют живой интерес к русской классической и советской драматургии, и это отвечает запросам и требованиям зрителя. Живое тому доказательство — почти одновременная постановка пьесы Леонида Леонова «Золотая карета» на сценах Варшавского общедоступного театра и Краковского государственного ордена Трудового Знамени театра имени Ю. Словацкого. Спектакли в обоих театрах поставлены по-разному, много своеобразия в трактовке артистами главных ролей пьесы. Но в том и другом театрах она идет при переполненных залах, встречая горячее одобрение зрителей.

Варшавский общедоступный театр в феврале — марте этого года показывал «Золотую карету» ежедневно, и всегда у кассы была очередь желающих посмотреть спектакль. Такой успех не случаен. Исполнители главных ролей — Мечислав Сервиньский (полковник Березкин), молодой актер Ежи Фельчиньский (Тимоша), Ян Коханович (Непряхин), Изабелла Вильчиньская (Марья Сергеевна)—создали на сцене образы людей мужественных, с сильными характерами, которых не сломили выпавшие на их долю огромные испытания — последствия минувшей войны. Все актеры, занятые в спектакле, играют с увлечением, создавая дружный ансамбль, захваченный идеей постановки.

Спектакль «Золотая карета» в Варшавском общедоступном театре не лишен некоторых частных недостатков, в том числе неточности передачи советского быта и внешнего облика отдельных персонажей. Но это все частности, главное же заключается в том, что постановка утверждает жизнедеятельность и несгибаемость советских людей, дает светлую перспективу. И в этом большая заслуга энергичного руководителя театрального коллектива — режиссера Генрика Шлетыньского. За последние годы в разных городах Польши он поставил несколько русских классических и советских пьес.

— Меня всегда влекла драматургия Горького и Чехова, — рассказывал он в беседе с нами, — разная по остроте характеров действующих лиц, но чистая и глубоко человечная. Горьковские и чеховские пьесы всегда волнуют и обогащают актеров, занятых в постановке произведений этих великих русских писателей. А советских писателей, создающих пьесы на современные темы, мы считаем прямыми наследниками Чехова и Горького. В хорошей преемственности, а главное, в своеобразии темы и создаваемых характеров сила многих произведений советской драматургии. «Золотая карета» Леонида Леонова увлекла нас сложностью и необычностью характеров героев, ярко выраженной индивидуальностью многих персонажей, богатством языка. Я внимательно слежу за всеми новинками советской литературы и то, что мне покажется значительным, буду непременно ставить на нашей сцене, и ставить с наслаждением.

Марья Сергеевна (справа) — Изабелла Вильчиньская и ее дочь Марийка — Янина Новицкая.

Л. КУДРЕВАТЫХ
Фото И. ТУНКЕЛЯ
Специальные корреспонденты «Огонька».

Народная скульптура

Чжан Цзин-гу. ЛИНЬ ЧУН УХОДИТ НА ГОРУ ЛЯНШАНЬБО. Один из героев романа «Речные заводи» Ши Най-аня. Глина.

Чжан Цзин-гу. Сцена из драмы «ЗАПИСКИ О ЗАПАДНОМ ФЛИГЕЛЕ» Ван Ши-фу. Глина.

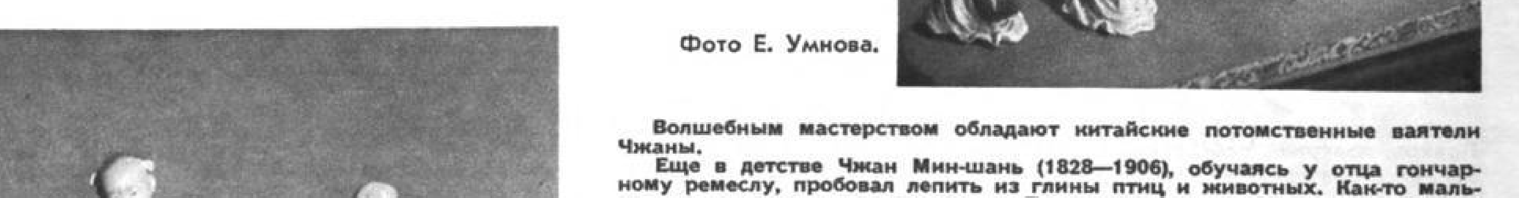

Фото Е. Умнова.

Волшебным мастерством обладают китайские потомственные ваятели Чжаны.

Еще в детстве Чжан Мин-шань (1828—1906), обучаясь у отца гончарному ремеслу, пробовал лепить из глины птиц и животных. Как-то мальчик решил раскрасить скульптуру. Получилось удачно. И с этих пор юный художник начал серьезно работать, совершенствовать свое мастерство. Талантливый скульптор создал немало портретов, и лучший из них — известного гравера по дереву Лю Го-хуа. Преемники художника — его сын Чжан Чжао-жун и внук Чжан Цзин-гу — добились еще большего мастерства.

Чжану Цзин-гу сейчас исполнилось 64 года. Он создает выразительные портреты, жанровые композиции, отражающие исторические события, иллюстрирующие литературные произведения. Удивительно изящны, гармоничны по цветовому решению, жизненно правдивы эти скульптуры из глины.

Ван Дэ-чунь. ИГРА В ЖМУРКИ. Дерево.

Солистка будапештской оперы

Мария Матьяш в роли Дездемоны. «Отелло» Верди.

В первое время после освобождения Венгрии страна испытывала большие трудности с транспортом, и переполненные людьми поезда, чаще всего товарные, долгие часы добирались до столицы.

В таком товарном поезде отправилась из Дебрецена в Будапешт молодая венгерская учительница Мария Матьяш. Она стремилась сюда, потому что ее тянуло к Оперному театру, на сцену.

Друзья и родные еще в детстве предсказывали маленькой Марии большое будущее на артистическом поприще. Но мать настояла на том, чтобы ее дочь пошла по стопам отца — скромного провинциального учителя. Мария, правда, не отказалась от своего желания и с помощью отца окончила музыкальную школу.

И вот она в столице. Прохожие указали ей дорогу, и через час Мария с надеждой входила в кабинет директора Оперного театра.

— Я хотела бы, чтобы меня прослушали,— сказала Матьяш решительно.

— Сегодня мы никого не прослушиваем. Приходите в другой раз.

— Не могу... У меня нет ни денег, ни квартиры. Прослушайте сейчас.

Ее прослушали и... приняли солисткой Венгерского государственного оперного театра.

Десять лет выступает Мария Матьяш на сцене Оперного театра, по радио, в концертах. Первым ее большим успехом была роль Царицы Ночи в опере «Волшебная флейта», а потом последовали Маргарита в «Фаусте», Микаэла в «Кармен», Виолетта в «Травиате», Мими в «Богеме», Маженка в «Проданной невесте». За исполнение партий в операх Эркеля и Кодая Мария Матьяш была награждена премией имени Кошута. Но, пожалуй, самая любимая роль Марии — это Татьяна из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

С искусством Марии Матьяш знакомы и за границей: она побывала в Чехословакии, в Германской Демократической Республике, Болгарии, Италии, дважды выступала перед московской публикой.

Нора ШОМОДИ

Мария Матьяш в роли Эржи. «Янош Хари» Золтана Кодая.

Чжан Цзин-гу учил любимому искусству своих племянников Чжан Мина и Чжан Юэ. Недавно молодые люди стали работать самостоятельно и показали себя способными художниками.

Кого не поражало высокое искусство китайских резчиков, которые из одного куска кости вырезают 16 шаров, заключенных один в другом и украшенных фантастическим резным орнаментом! Китайские мастера прекрасно режут и по дереву. Из дерева народные художники режут композиции, посвященные национальным героям или изображающие обычные жизненные сценки. Образцом высокого мастерства является живая, выразительная группа, выполненная Ван Дэ-чунем — «Игра в жмурки». Сердечно и искренне передана радость мальчишек, азарт игры. С теплым и милым юмором подметил художник характеры ребятишек.

Н. АНДРЕЕВА

Чжан Цзин-гу. Сцена из романа «СОН КРАСНОГО ПАВИЛЬОНА» Цао Сюэ-циня. Глина.

Старое и новое

Адела Драгомиреску — народная артистка СССР С. В. Гиацинтова. Фото А. Гладштейна.

Историческому преображению Румынии, новым путям и судьбам людей страны, хозяином которой становится народ, посвящена пьеса современного румынского драматурга Хориа Ловинеску «В доме господина Драгомиреску».

...В обычной буржуазной квартире, где на первый взгляд все совершенно благополучно, встретились две женщины — известный физик госпожа Динеску (артистка С. Г. Бирман) и владелица коммерческих предприятий госпожа Драгомиреску (артистка С. В. Гиацинтова). Это женщины одного поколения, одного воспитания и одной среды, но как различны они, как изменил их внутренний и внешний облик выбранный ими жизненный путь!

Какой яркий и молодой блеск в глазах Бирман-Динеску, какая свобода движений и благородство души в ее видении жизни! Эту особенность героини Бирман еще больше ощущаешь в заставленной старинными, тяжелыми вещами квартире преуспевавшего в обществе адвоката Драгомиреску. Душевную молодость, устремленность в будущее рождает в Динеску ее широкая научная и общественная деятельность. Большой, настоящий ученый, связанный с прогрессивной наукой, не может не придти в стан борцов за мир и свободу народов. Эта мысль, заложенная в пьесе Ловинеску, передана Бирман с особой страстностью. Именно так говорит Динеску о деле своей жизни, именно этим объясняется ее особое внимание к молодежи — будущему передовой науки. Пьеса Ловинеску в такой трактовке обращена не только к тем деятелям науки и культуры, кто уже нашел верный жизненный путь, но и к тем, которые еще решают для себя основной вопрос сегодняшнего дня: где и с кем большая, настоящая, народная правда.

В резком контрасте с образом, созданным Бирман, живет в этом спектакле героиня Гиацинтовой — мадам Драгомиреску. Законодательница взглядов и вкусов старой, буржуазной Румынии, госпожа Драгомиреску оставляет впечатление статуи,— всегда с высоко поднятой головой, увенчанной нелепым пучком волос, с надменным, холодным взглядом. Вся она — олицетворение закоснелого, старого. И если Бирман своим исполнением показывала, как чужда ее героиня буржуазному дому господина Драгомиреску, то Гиацинтова, напротив, подчеркивает неразрывность всего облика Аделы Драгомиреску с этим укладом жизни.

Такое мастерство перевоплощения говорит о таланте обеих

Госпожа Динеску — народная артистка РСФСР С. Г. Бирман.

актрис, по-своему, но одинаково глубоко и страстно обличающих старый мир во имя утверждения нового. Серьезный драматический конфликт, заложенный в произведении, позволил ярко раскрыться новым граням больших актерских дарований.

Сатирическое разоблачение старых порядков и утверждение нового талантливо сочетаются в пьесе Х. Ловинеску, оптимистичной и устремленной в будущее. И когда в финале спектакля нарастает за окнами шум демонстрации в честь советских воинов-освободителей, в это время в кресле развлекается детскими игрушками адвокат Драгомиреску. Когда-то он провозглашал незыблемость буржуазного строя, а теперь впал в детство. И в этом противопоставлении как бы скрестились две линии пьесы — сатирическая и жизнеутверждающая. Скрестились для того, чтобы можно было ярче увидеть путь вперед, и для того, чтобы можно было оглянуться назад, на страшное вчера, которого никогда больше не будет на свободной румынской земле.

Московский театр имени Ленинского комсомола, поставивший пьесу румынского драматурга Ловинеску, продолжил важное и хорошее дело, начатое нашими театрами,— пропаганду лучших произведений классической и современной драматургии стран народной демократии.

И. ВИШНЕВСКАЯ

В комнате рядом начала заседать комиссия.

Что происходит за дверью?

А за дверью происходило вот что: Васе Шемя-

Говорят, что в Рязань осталось только одно место.

— Пока что перекусим!

«Пускай судьба забросит

ПОРА В ПУТЬ-ДОРОГУ...

— Ехать, так ехать!

В. ПОЛЫНИН

Пришел час распределения студентов, окончивших Тульский механический институт.

— Переживаем, пожалуй, больше, чем во время экзаменов,— говорили выпускники института.— Если экзамен не выдержишь, можно еще пересдать, а тут решается будущее, может быть, вся жизнь.

И вот заседает комиссия по распределению молодых специалистов. Взгляните на будущих машиностроителей и горных инженеров, механиков и педагогов. Сколько разных настроений можно прочитать на этих лицах! А за всем тем — вера в свои силы, убеждение, что жизнь будет интересной и полноценной.

— Георгиеву Анатолию! Преподавателю Ижевского механического ин-

кину не сразу понравилось назначение.

— Девчата, еду в Плавск! — говорит Галина Шатохина.

Скоро ли!

нас далеко, пускай...»

— А есть ли на карте этот город, Юрьев-Польский!

— Ждите нас в Магадане.

ститута! Будущему доценту, профессору, академику — ура!

Леву Дмитриева и Люду Волкову посылают на один завод. Надо полагать, по их просьбе.

Пора в путь-дорогу...

Нам дороги эти послания

«Манчестер. Стадион Уайт-Сити. Мисс Откаленко.

Дорогая мисс! Я вместе с Вами в этом забеге. Я желаю Вам успеха и для его достижения Вам помогут посылаемые мною таблетки. Примите их перед забегом, и они принесут Вам победу. Бывший матрос гражданского флота Б. Джонсон, г. Глазго».

Это письмо было вручено советской спортсменке Нине Откаленко перед забегом на одну милю, в котором она должна была встретиться с англичанкой Дианой Лизер — сильнейшей бегуньей мира на эту дистанцию.

Как могла ответить советская спортсменка матросу из Глазго? Только победой! И Нина Откаленко выиграла забег.

С каждым годом ширятся международные связи советских спортсменов, а вместе с ними все крепче становятся нити симпатий и дружбы, пересекающие теперь все континенты. Можно смело утверждать: в тех странах, где побывали посланцы советского спорта, у них есть бескорыстные друзья и горячие болельщики. Об этом красноречиво говорят и послание матроса из Глазго, и письма чехословацких школьников, и письмо из Финляндии, и букет роз из далекой Венесуэлы, и платочек с Аляски.

Нам дороги эти послания — доказательство все крепнущей дружбы советских людей с простыми людьми всего мира.

КАРАКАССКИЕ РОЗЫ

Эту фотографию передал нам чемпион и рекордсмен мира по стрельбе Анатолий Богданов.

В Каракасе — столице южноамериканской республики Венесуэлы, где довелось побывать советским спортсменам,— они встретили исключительно теплый прием, и каждая новая победа на мировом чемпионате стрелков все ширила круг их новых друзей. Однажды, вернувшись с полигона, Богданов нашел в своем номере большой букет роз. На листе бумаги, прикрепленном к ленте, было написано: «Сеньору А. Богданову. Отель «Националь»...»

Так и не удалось Анатолию Богданову узнать, какой друг прислал ему этот прекрасный подарок. Все, что ему оставалось сделать,— снять на память букет каракасских роз.

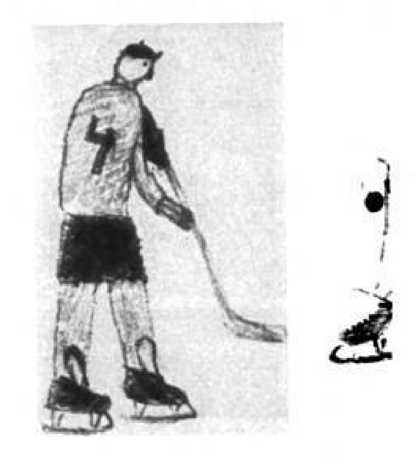
104 письма

«Посылаю вам сто четыре письма пионеров и учащихся первой восьмилетней школы в Литомержице.

Прошу вас передать их вашей хоккейной команде-победительнице на Олимпийских играх. Мы их поздравляли в 1954 году. Тогда они ответили нам письмом, которое до сих пор висит в рамке в нашей пионерской комнате.

Ермила КОВАНОВА,
пионервожатая и учительница восьмилетней школы в Литомержице, Чехословакия».

Вот они перед нами, эти детские письма, старательно украшенные фигурками хоккеистов.

Да здравствуют мастера мира!
Мы ученики VII кл. Г. шлем вам горячие приветы и поздравляем вас с победой

Откуда же знают маленькие чехи русский язык? Ответ на этот вопрос мы получаем в одном из писем: «Ученики нашей восьмилетки любят учиться русскому языку. Мы все любим СССР и его замечательный народ. На последней неделе мы аплодировали и бесконечно радовались вашим спортивным успехам в Кортина д'Ампеццо. С большим увлечением в течение целой недели мы слушали по радио и смотрели в телевизоре вашу замечательную игру в борьбе за золотые медали и за звание мастера мира в хоккее. Мы восхищены вашей победой над США и Канадой. Браво Бобров, Бабич, Шувалов. Браво Кузин и Крылов. Браво Гурышев, Пантюхов, Сидоренков. Да здравствуют олимпийские победители, да здравствуют мастера мира!»

Мастера мира! Такого спортивного титула не существует в природе, но как точно, метко передают эти два слова, повторяемые почти в каждом письме, самую суть того благородного дела, которое вершат советские спортсмены: они крепят мир.

«Чем больше друзей, тем спокойнее живется»

«Великому бегуну г-ну Владимиру Куцу.

В своем прошлом письме я предсказывал Вам новые успехи в текущем сезоне. Я оказался прав. Вы отличились в большей степени, чем я мог надеяться. В матче между Советским Союзом и Англией Вы сильно пробежали милю и разбили знаменитых англичан, которые носились с планами победить Вас. В Белграде Вы вернули мировой рекорд на 5 000 метров. Время было удивительно хорошее, гораздо лучшее, чем я ожидал, но Вам, однако, не удалось сохранить рекорд. Через пять недель Ихарош в Будапеште провел невероятный бег. Дорожки там, однако, из самых лучших в мире, и он получил прекрасную помощь от лидировавших бег своих товарищей — Табори и Сабо. Ихарош мог примерно две трети дистанции «спокойно отдыхать», а затем продолжить таким темпом, какой подобает бегуну на 1 500 метров... Тактика Ихароша в этом рекордном беге достойна того, чтобы испытать ее. Сделайте это в следующем сезоне. Дайте Чернявскому вести бег, как он это сделал в Москве для Чатауэя... Хотя Ихарош и отобрал у Вас рекорд на 5 000 метров, я думаю, что Вы можете быть очень довольны 1955 годом.

Поздравляю с успехами и желаю доброго здоровья и прежнего спортивного духа в 1956 году.

Ваш друг Н.»

Финляндия.

«Уважаемый товарищ по спорту,

Ваше письмо я получил и прочел его с огромным вниманием. Мне хотелось бы поблагодарить Вас за тот интерес, который Вы проявляете к легкой атлетике и, в частности, к моим спортивным достижениям.

Меня лично не удивляет Ваш интерес к этому виду спорта, так как хорошо известно, что в Финляндии легкая атлетика является национальным видом спорта и мало кто в Вашей стране не занимается ею. Нам хорошо известны также замечательные успехи Ваших соотечественников по легкой атлетике с установлением ряда мировых рекордов.

В настоящее время, как Вы справедливо указываете в своем письме, результаты бега на 5 000 и 10 000 метров очень высоки, и, говоря по секрету, нужны большая тренировка и терпение, чтобы повысить свой результат и тем более мировое достижение, показанное замечательным венгерским бегуном Ихарошем.

Каковы мои планы на будущее? Затруднений в ответе на этот вопрос, видимо, и у Вас не имеется. Я попытаюсь подготовить себя к установлению нового мирового рекорда на 5 000 метров, но как это получится, покажет время. Во всяком случае, в этом году представляются большие возможности для встречи с лучшими бегунами мира на 5 000 и 10 000 метров.

Острая спортивная борьба на беговой дорожке уже давно захватывала меня и помогала в достижении хороших результатов. Но особенно приятно чувствуешь себя в кругу своих соперников после соревнований, когда можешь спокойно обсудить ход бега и поделиться с ними своими мыслями или выслушать их замечания. Такие встречи всегда способствуют приобретению опыта, придают больше сил и уверенности на будущее и расширяют круг личных друзей, а чем больше друзей, тем спокойнее живется.

С уважением В. Куц»

ПЛАТОЧЕК С АЛЯСКИ

Этот платочек проделал большой путь: Соединенные Штаты, Атлантика, Европа. И вот наконец он в Москве — в руках у мировой рекордсменки по бегу Нины Откаленко. Неизвестный друг из Кетчикана на Аляске следил, оказывается, за ее успехами, радовался ее победам и выразил свои чувства строчками стихов. Они озаглавлены так: «Не забудь меня».

Когда блестит золотое солнце
И твой ум свободен от тревог,
Когда ты думаешь о других,
Вспоминаешь ли ты и обо мне?

Пусть же знает друг советской спортсменки с далекой Аляски, что его вспоминают, что ему благодарны за внимание. Советские спортсмены не забывают своих друзей и очень дорожат крепнущей связью, которая не знает границ.

Влодзимеж Закшевски (Польша). ДАВАЙ ЗАКУРИМ!

Музей Войска Польского. Варшава.

Войтех Титтельбах (Чехословакия). БУКЕТ.

Выставка 10 лет Чехословацкой Республики в изобразительном искусстве.

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ

С. МАРШАК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Англичане — любители и мастера юмора. Ни один тост, ни одна политическая речь или даже проповедь не обходится в Англии без острой приправы шутки или каламбура. Английская классическая эпиграмма славится изяществом и лаконичностью. Мы даем здесь и старые эпиграммы (как, например, «Судье» Джонатана Свифта) и новые, большей частью безымянные — из тех, что рождаются чуть ли не каждый день в колледжах, лабораториях, редакциях. А рядом мы помещаем несколько прихотливых и причудливых народных песенок-прибауток, давно уже вошедших в антологию английской юмористической поэзии.

Остроту, шутку, игру слов нельзя перевести с одного языка на другой буквально. Мы даем здесь эпиграммы и шутливые песенки в вольном пересказе, пытаясь, однако, сохранить в неприкосновенности их национальный стиль и характер.

РЕВНИТЕЛЬ ТРЕЗВОСТИ

Ценил он трезвость скучную
В прислуге —
В швейцаре, в поваре, в лакее,—
Но не в друге!

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ ПО МЕНДЕЛЮ

В наследственность верит не всякий,
Но белая, бывшая в браке
С одним из цветных,
Родила шестерых:
И белых, и черных, и хаки.

СУЕВЕРЬЕ

О боже мой, какое суеверье
Предполагать, что ты придумал птиц
Лишь для того, чтоб колыхались перья
На модных шляпах дам или девиц!

ПО ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Сегодня в полдень пущена ракета.
Она летит куда скорее света
И долетит до цели в семь утра
Вчера.

ОПАСНЫЙ НОМЕР

Улыбаясь, три смелые леди
Разъезжали верхом на медведе.
Теперь же все три
У медведя внутри,
А улыбка на морде медведя...

ТОСТ ЗА ДВОИХ

Да здравствует король,—
Храни его, о боже!
И дерзкий претендент
Да процветает тоже!

Я пью за них двоих,
Не зная, кто ж на троне:
Законный ли король
Иль претендент в короне.

ЭПИТАФИЯ ШОФЕРУ

Бедный малый в больничном бараке
Отдал душу смиренную богу:
Он смотрел на дорожные знаки,
Но совсем не смотрел на дорогу...

СУДЬЕ

Мне очень жаль, что напоследок
Зарезался ваш досточтимый предок.

Или, пожалуй, правильней сказать бы:
Зачем он не зарезался до свадьбы!..

ГРОБНИЦА КАРЛА II

Под эти своды прибыл из дворца
Король, чье слово было хрупко.
За ним не числится ни глупого словца,
Ни умного поступка.

ВЕЧНАЯ ТАЙНА

Увидев девушку безвестную случайно,
«Как поживаете?» — спросил ее поэт.
Ни слова девушка не молвила в ответ,
И как живет она, навек осталось тайной...

ДУХ КОНАН-ДОЙЛЯ

Мистер Своффер утверждает, что ему удалось вызвать во время спиритического сеанса дух Конан-Дойля и даже беседовать с ним.

Покойный Конан-Дойль при жизни был спиритом.
В миры надзвездные, скончавшись, он ушел
И если б что-нибудь хорошее нашел,
То не ходил бы к Свофферу с визитом!..

«НЕ ПРЕЗИРАЙ СОНЕТА»

Не будь к сонету, критик, слишком строг.
Пускай бездарен он и скучен очень часто,
Но в нем не более четырнадцати строк,
А ведь в иных стихах бывает полтораста!

О ДУРАКАХ

Жму руки дуракам обеими руками:
Как многим, в сущности, обязаны мы им!
Ведь если б не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим.

ЭПИТАФИЯ БЕЗУМЦУ

Сошел под гробовую сень
Безумец, что в апреле
Решился снять в прохладный день
Фуфайку из фланели.

НАСЛЕДСТВО

От покойницы немного
Получили мы, племянники:
Только липовую ногу
Да холщовые подштанники,

Табакерку и кофейничек,
Но без крышки и без носика,
Да серебряный ошейничек
От скончавшегося песика...

ЭПИТАФИЯ СУДЬЕ, КОТОРЫЙ СЧИТАЛ СЕБЯ ПОЭТОМ

Слепа Фемида, слеп старик Гомер,
Да и покойник был подслеповатым:
Невинного считал он виноватым
И нарушал в стихах любой размер.

СГОРЕВШЕЕ СЕРДЦЕ

Сгорел в камине бедный Билли.
Храню я пепел дорогой,
Чтоб сердце Билли не разбили
Неосторожно кочергой.

О ГРУШАХ

Тот, кто моих не хочет груш,
Не трогай веточек моих.
А кто не будущий мой муж,
Тот мне сегодня не жених.

О ВЕЖЛИВОСТИ

Будь вежлив с каждым воробьем,
Не будь заносчив с муравьем,
А в обществе курином
Не заикайся о своем
Пристрастии к перинам.

Когда навстречу бык идет,
Давай свернем с дороги,
Поскольку он — рогатый скот,
А мы с тобой — безрогий.

ВСТРЕЧА

Небритый человек, неряшливо одетый,
Актера Гаррика случайно встретил где-то
И подошел к нему с протянутой рукой.
— Здорово! — говорит.
— Но кто же вы такой?
Знакомым с вами быть я не имею чести...
— Ах, братец, память у тебя плоха.
На сцене столько раз мы выступали вместе:
Ты — в роли Гамлета, я — в роли петуха!

О СДЕРЖАННОСТИ

Твой стиль суховатый и сдержанно краткий
Без удержу хвалят друзья...
Уздечка нужна, чтобы править лошадкой,
Но где же лошадка твоя?

„ВОКРУГ ШАРИКА"

Б. ЛЯПУНОВ

Сверхзвуковая авиация — реальность сегодняшнего дня. Герои романа Жюля Верна совершили кругосветное путешествие в восемьдесят дней. Прошлый век, прошлые, безнадежно устаревшие темпы. Двадцать тысяч километров, половину экватора, современные самолеты преодолели бы за тридцать шесть часов. Скрылись в тумане небоскребы Нью-Йорка, и протянулась серо-стальная гладь океана. И вот уже тропики, далекие острова, яркие краски юга. Остановить Солнце — библейская фантастика, а увидеть его идущим с запада на восток, промчаться быстрее урагана над океанскими просторами — это ли не мифические чудеса?

Уже не сказка — увидеть Землю с огромной высоты, почти из мирового пространства: оттуда автоматические ракеты принесли великолепные фотографии земного шара. Уже не фантастика беспилотный самолет, который может перелететь с материка на материк. Первый круговой облет Земли свершится в следующем году; искусственному спутнику — пока без человека — понадобится полтора часа, чтобы обойти «вокруг света».

Повидимому, не за горами исполнение и другой мечты, мечты Валерия Чкалова. Она в двух словах: «Вокруг шарика!» Облететь без посадки всю планету, окинуть всю ее взглядом, как глобус, побывать в один и тот же день над Арктикой и Антарктидой — не столь отдаленное будущее...

На краю летного поля выстроилось в ряд несколько машин.

Еще десять — пятнадцать лет тому назад такие самолеты изумили бы необычностью своих форм. Сравнительно короткие, отогнутые назад, как говорят теперь, стреловидные крылья. Фюзеляж с отверстием в передней части, без привычного воздушного винта. Высоко поднятое хвостовое оперение... А вот еще более мощные воздушные корабли. Удлиненный корпус, тоже стреловидные, как у истребителя, крылья. Наконец, машины самых последних лет: самолеты, похожие на стрелу, с крылом-треугольником, летающие крылья и летающие фюзеляжи — разве можно было увидеть подобные еще два — три года назад?

Пройдет еще немного времени — и появятся новые самолеты новых форм. Но дело не только во внешнем облике, каким бы удивительным он ни казался. В авиации произошла революция, когда на смену поршневому двигателю пришел реактивный. Новый переворот произойдет тогда, когда реактивная авиация станет атомной.

Скорость, высота, дальность — девиз создателей воздушного флота. Именно борьбой за скорость вызваны необычные формы современных машин: снизить сопротивление полету, увеличить подъемную силу крыльев, улучшить устойчивость, управляемость, «живучесть» конструкции стремятся творцы скоростных самолетов. Именно этой борьбою вызвано повышение мощности двигателей: на крупном воздушном корабле она превышает мощность целой районной электростанции!

Именно с борьбою за скорость связана и борьба за высоту. Разреженный воздух больших высот стратосферы резко снижает сопротивление полету. Недаром говорят: летать выше — значит летать быстрее. Но человек не может безнаказанно находиться в стратосфере. Поэтому устраивают герметические кабины, этот маленький кусочек «земного мира», в котором все такое же, как на земле.

Сложенные вместе высота и скорость означают дальность. Однако есть одно препятствие, и справиться с ним не очень-то просто. Для дальнего рейса нужно много топлива. Хорошо, если предстоит посадка и баки снова будут наполнены. Если же нет, придется надеяться на взятое с собою или на помощь в воздухе. Под крыльями подвешивают дополнительные баки, хоть это и невыгодно, ибо крадет скорость. Вот почему сейчас стали применять самолеты-заправщики — летающие танкеры, чтобы пополнять запас топлива в полете.

Иной путь откроет авиации дальнего действия атомная энергетика. Четыреста граммов ядерного горючего хватит для беспосадочного кругосветного перелета — так говорят предварительные подсчеты. Они кажутся фантастичными, как казался еще недавно и сам атомный самолет. Теперь же... Вот один из проектов, над которым усиленно работают за рубежом.

Необычайно длинный веретенообразный фюзеляж, с крылом-треугольником не спереди, а сзади. Трудно сравнить с чем-либо внешний облик удивительной машины — разве что с какой-нибудь диковинной птицей. В носовой части — кабина экипажа. Здесь менее опасны вредные излучения, от которых защищает также специальная «броня» весом в несколько десятков тонн. И, тем не менее, придется быть осторожным, особенно при зарядке опасным ядерным горючим. Для атомных самолетов предполагают построить подземные ангары. На расстоянии будут управлять загрузкой реактора — новой порцией урана, на расстоянии будут за нею наблюдать из-за толстых стен — с перископом и телевизором. Кран вынет реактор из самолета, опустит его в воду, которая гасит его радиоактивность; там он будет заряжен ураном и снова установлен на место.

И вот самолет на взлетной дорожке. Из двигателей, по бокам фюзеляжа, вырываются струи нагретого воздуха. Тепло дает реактор, заменяющий камеру сгорания обычного двигателя, и в нем горючее, которое не горит, но греет, которого нужны граммы вместо десятков тонн. Работой реактора помогут управлять автоматы. С их помощью экипаж будет повелевать почти полумиллионом лошадиных сил — такова мощность атомной установки на самолете.

Пройдет время опытов и исканий, настанет день воздушного крещения корабля, настанет очередь регулярных, будничных рейсов. Тогда в авиации откроется новая эпоха. По всему земному шару, в любую его точку смогут пройти трассы самолетов, которыми движет сказочная сила атома. Исчезнут последние белые пятна на картах мира, не будет на них труднодоступных мест, пути по воздуху приведут в самые отдаленные уголки земли. Они приведут к полюсам и пустыням, малоизвестным островам, высокогорным плато и прочим глухим закоулкам планеты. Кто знает, сколько будет сделано открытий! Штурм пойдет не только вширь, но и ввысь: человек завоюет и самые большие высоты воздушного океана.

Рождается атомная авиация. Продолжается атака атомного ядра и за рубежом и у нас. Вслед за скоростными машинами появятся сверхскоростные — на ядерном горючем.

Клен

Борис КОТЛЯРОВ

Давно когда-то у дороги,
У металлических ворот
Клен одинокий, тонконогий
Смотрел на выросший завод,
Шумел листвою запыленной,
Сердясь как будто на того,
Кто говорил о нем, о клене,
Что, мол, сейчас не до него.
Машины мимо пролетали,
Перекликаясь на ветру.
Одна из них листами стали
Чуть оцарапала кору.
Тогда неловкого шофера
Бранили все наперебой:
«Тебе на бричке ездить впору!
Не видишь — дерево!.. Герой!..»
И кто-то бережно погладил
Вновь выпрямляющийся ствол.
И, виновато в землю глядя,
Шофер полуторку отвел.
Закрылись плотные ворота,
Чуть приглушив горячий гул.
А клен шепнул тихонько что-то
И ветви к людям протянул.
Тень простелил и нам, которым
Еще и места не нашли,
Мальчишкам, будущим
монтерам,
Присевшим завтракать в пыли.
Он сам тогда сквозь зной
железа,
Камней полуденный накал
Вдыхал далекий ветер леса
И словно братьев в город звал.

И ворвалась, звеня ветвями,
К нам стайка маленьких берез.
Шофер, наверно, тот же самый,
Через ворота их провез.
А вслед по улицам любимым
И по раздолью площадей
Пошли вовсю неудержимо
Шеренги лип и тополей.
Они шумели, будто новость
Передавал их легкий строй.
Терял бетонную суровость
Озелененный город мой,
В нем и цветов река сквозная...
О нас порою говорят:
«Ну, как же, Харьков, были,
знаем!
Считай, что прямо город-сад».
Но часто в за́плеске зеленом,
В прибое хлынувших ветвей
Мне слышен давний шелест
клена
Как отзвук юности моей.

О цветах

Игорь КОБЗЕВ

Наши девушки обижаются:
Мол, язык любви стал суров,
Парни ласковых слов стесняются
И совсем не дарят цветов.

И уж больно смешное зрелище,
Если кто-то взамен конфет
Среди прочих, цветам
не верящих,
Все ж решится купить букет.

Он несет его, спрятав за спину,
Виновато глядит вокруг:
Словно что-то и впрямь ужасное
По наивности сделал вдруг...

Те цветы подсказали б многое.
Почему ж мы стыдимся их!
То ли время такое строгое,
То ли строгость есть в нас самих!

Мне призналась одна красавица,
Что никто до сих пор не мил,
Потому что ей розы нравятся,
А никто ей их не дарил.

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

С. НАРИНЬЯНИ

Григорий Кузьмич помылся, побрился и, оглядев всего себя в большом зеркале, остался доволен осмотром. Несмотря на свои пятьдесят пять лет, заслуженный деятель искусств выглядел молодцом. Ни брюшка у него, ни мешков под глазами. Прямо хоть сейчас выходи на сцену в роли героя-любовника. Чтобы размяться, Григорий Кузьмич легко сделал у зеркала два подседа и три подскока и стал натягивать на ноги шелковые носки. Вслед за этим он надел легкие бальные туфли и, вытащив из стакана вставные зубы, ловким, привычным движением поставил их на место.

Григорий Кузьмич не в первый раз выезжал за границу. Он представлял советских работников искусств на трех фестивалях. Заслуженному деятелю нравился тот почет, которым были окружены на этих фестивалях члены жюри. Он много и с удовольствием заседал на просмотровых комиссиях, охотно давал интервью газетным репортерам, с удовольствием расписывался в тетрадках коллекционеров автографов.

Иногда слава большого артиста начинала утомлять заслуженного деятеля искусств. Григорию Кузьмичу хотелось хоть пять минут побродить по улицам города без своего громкого имени. Зайти в кафе Дома актеров и запросто встретиться с каким-нибудь из своих коллег. Похлопать друг друга по плечу, порасспрошать коллегу: как у него идут дела, что он ставит, что думает о современном репертуаре?

Но друзья уже давненько не хлопали заслуженного деятеля по плечу. Имя Григория Кузьмича называлось теперь только в сопровождении прилагательных:

— Многоуважаемый... высокочтимый... талантливый...

В этом году Григорий Кузьмич впервые поехал за рубеж не почетным членом жюри, а в составе обычной группы туристов. Здесь были рабочие, инженеры, писатели, спортсмены, профсоюзные активисты. Заслуженный деятель ходил с этими активистами по музеям и заводам Будапешта, ездил с ними на озеро Балатон, в новый город Сталинварош, и ему никто не докучал ни с интервью, ни с автографами.

Жил Григорий Кузьмич в скромной гостинице в одном номере с молодым железнодорожником — дежурным по станции Москва-товарная. С первого же дня между соседями установились милые, простые взаимоотношения. Григорий Кузьмич звал молодого железнодорожника по имени — Женечкой, а тот его по отчеству — Кузьмичом. Такая простота вначале даже умиляла маститого туриста, но уже через неделю заслуженный деятель заскучал по прилагательным.

Григорий Кузьмич был бы не прочь вместо очередной экскурсии на завод отправиться в гости в местный театральный клуб, объявить там свое имя и под бурные аплодисменты присутствующих взбежать на сцену навстречу ярким лучам прожекторов и софитов. И чтобы дежурный по станции Москва-товарная все это видел бы и оценил, чего стоит «Кузьмич», с которым ему посчастливилось жить целую декаду в одном номере.

Но местные театралы не хотели, видно, мешать отдыху маститого артиста и до поры, до времени не беспокоили его. Однако как только подошел к концу срок туристской путевки, в номер к Григорию Кузьмичу пришли с приглашением представители театрального клуба.

— Дорогой и многоуважаемый... Сегодня в восемь...

Дорогой и многоуважаемый широко улыбнулся и посмотрел в сторону дежурного по станции.

— Наконец-то...

И вот наступило восемь. Григорий Кузьмич в последний раз оглядел себя в зеркале и заспешил вниз.

Десять минут езды на машине, и заслуженный деятель вместе с Женечкой входит в светлый, высокий зал. Раздаются аплодисменты. Но что это? Где стол для почетных гостей? Оказывается, в здешнем клубе нет ни сцены, ни кресел для публики. И гости и хозяева сидят бок о бок за маленькими чайными столиками. Григорий Кузьмич, раскланиваясь и извиняясь, проходит между этими столиками, за которыми он видит немало спутников по туристской группе, к своему месту. Член правления клуба представляет его соседям. В Венгрии нет отчеств, поэтому Григорию Кузьмичу нужно запомнить только имена. Товарищ Шандор — это тот, что постарше. Он режиссер драмы. А рядом товарищ Иштван — молодой, начинающий артист. А вот кто эта милая девушка в голубом, которая назвалась Марийкой? Артистка эстрады или оперетты?

Пока Григорий Кузьмич представлялся своей молодой соседке, Иштван начал разливать ликер. Новые знакомые подняли рюмки и улыбнулись.

«Как хорошо,— подумал Григорий Кузьмич,— что рампа не отделяет в этом зале почетных гостей от обычных! Прошло всего несколько минут, как нас посадили за один столик, а мы сидим уже и разговариваем, как старые знакомые».

А разговор и в самом деле шел теплый, непринужденный. И Шандор и Иштван говорили, оказывается, по-русски. Правда, не очень бойко. Зато Марийка владела русским безукоризненно и от этого казалась Григорию Кузьмичу еще милее и обворожительнее.

«Нет, она, конечно, не начинающая актриса, а переводчица,— решил он.— А может, не переводчица, а жена режиссера Шандора? Господи, но ведь этот режиссер раза в два старше ее!»

И Григорию Кузьмичу стало жалко молодую, красивую Марийку. А разговор между тем шел за столом своим чередом. Иштван и Женечка заговорили о футболе. «Спартак»... «Гонвед»... Пушкаш... Яшин...

Но так как четверо из пятерых сидящих за столом были работниками искусств, то разговор в конце концов перешел с футбола на театр, и вниманием стола овладел Григорий Кузьмич. Он говорил много и вдохновенно. Говорил не только затем, чтобы ответить на вопросы соседей, а главное, чтобы произвести впечатление на соседку. Соседка мило улыбалась, а соседи слушали и думали: «Умно, интересно говорит наш гость, но вот что удивительно: целый час ведет он разговор и все не о той

области искусств, в которой работает сам».

Григорий Кузьмич приглашал своих новых друзей и в Третьяковскую галерею и в Большой зал Московской консерватории послушать Рихтера и Ойстраха. Даже в цирк. Он избегал разговора только о своем собственном театре. А венгерских товарищей больше всего и интересовал этот театр. И для того, чтобы помочь гостю перевести разговор с балета поближе к драме, Шандор спросил Григория Кузьмича:

— Какая из современных пьес пользовалась в текущем сезоне наибольшим успехом у московского зрителя?

— «В добрый час».

— Правильно. Мы читали про это,— подтвердил Иштван.— Автор пьесы, кажется, молодой драматург. Это хорошо, Григорий Кузьмич, что вы выдвигаете молодых.

— Почему я? — удивился гость.

А Марийка улыбнулась и пояснила:

— «В добрый час» поставил режиссер Колесаев в Центральном детском театре. А Григорий Кузьмич тоже выдвигал молодых авторов. Только это было давно. Пятнадцать лет назад.

Шандор укоризненно посмотрел на своего товарища и сказал:

— Наш гость много выступал в шекспировских пьесах. Я, кажется, не ошибаюсь? — спросил он у Григория Кузьмича.

— Нет,— подтвердил Григорий Кузьмич и, закрыв глаза, мысленно перенесся из Будапешта в Москву, в свою квартиру, стены которой были увешаны лавровыми венками и старыми театральными афишами. «Король Лир», «Ромео и Джульетта», «Много шума из ничего»...

— Но больше всего я любил роль Гамлета,— сказал он, открывая глаза, а режиссер Иштван, чтобы доставить гостю приятное, добавил:

— Да, да... Мы читали про ваш прошлогодний успех.

За столом воцарилась неловкая пауза. И слово опять пришлось взять Марийке.

— Вы путаете,— сказала она Иштвану.— В прошлом году роль Гамлета сыграл артист Самойлов, и в другом театре. А Григорий Кузьмич тоже играл Гамлета, но только давно. Двадцать лет назад.

— Простите,— сказал Иштван,— я плохо читаю по-русски и мог спутать.

Неловкое положение продолжалось, однако, недолго. Марийка мило пришла на помощь заслуженному деятелю искусств и сказала:

— Григорий Кузьмич любит не только драматургию Шекспира, но и драматургию Маяковского.

— Правильно... Теперь уже я не ошибусь,— сказал Иштван и, повернувшись к Григорию Кузьмичу, добавил: — Разве не вы так замечательно поставили в текущем сезоне «Клопа» и «Баню»?

За столом опять воцарилось молчание. И Марийке снова пришлось взять слово.

— В текущем сезоне,— сказала она,— «Клопа» и «Баню» поставили режиссеры Петров и Плучек. А Григорий Кузьмич тоже ставил «Баню», но только давно. Двадцать пять лет назад.

— Правильно,— с огорчением подтвердил Григорий Кузьмич,— все это было, к сожалению, в давно прошедшие времена, а сейчас я уже не выступаю ни в пьесах Шекспира, ни в пьесах Маяковского.

— Врачи? Больное сердце? — сочувственно спросил Шандор.

Чтобы не углубляться в неприятный для него разговор, Григорий Кузьмич хотел было утвердительно кивнуть головой: мол, ничего не поделаешь: стенокардия.

Но экспансивная Марийка предупредила его.

— Ой, что вы! — сказала она режиссеру Шандору.— Сердце у Григория Кузьмича в полном порядке. Вы разве не знаете? Григорий Кузьмич — непременный участник всех теннисных соревнований Дома искусств.

Григорий Кузьмич подозрительно покосился в сторону девушки в голубом. Откуда она так хорошо осведомлена о всех его делах, и творческих и теннисных? Неужели Марийка выписывает из Москвы в Будапешт и «Советскую культуру» и «Советский спорт»?

«Ну и ну!» — подумал Григорий Кузьмич и сказал:

— Я не выступаю на сцене потому, что мне трудно быть одновременно и актером и режиссером.

— Понятно,— сказал Шандор.— Вы сейчас работаете в театре только в качестве постановщика пьес.

— Не угадали,— ответил Григорий Кузьмич и пояснил: — Пьесы в нашем театре ставят обычные режиссеры, а я главный. Понятно?

— Не совсем.

— Главный руководит обычными режиссерами, поправляет их ошибки,— сказал Григорий Кузьмич и добавил: — На большую самостоятельную работу у главного режиссера попросту не хватает времени.

— Куда же оно уходит?

— В хлопоты. С утра до вечера я в бегах. Днем в Доме актера, вечером в Доме искусств. И всюду заседания, совещания...

— Вам, наверно, очень скучно? — с сочувствием спросил Шандор.

— Зато почетно,— ответила Марийка.— Вот только на днях Григорий Кузьмич приветствовал по поручению Дома искусств конференцию юных филателистов.

— Кого, кого?

— Вы разве не читали? Григорий Кузьмич владеет сейчас одной из лучших коллекций почтовых марок.

Григорий Кузьмич попробовал улыбнуться, но эта улыбка не доставила ему удовольствия. «Ну это слишком! — подумал он.— Несносная девчонка, как видно, выписывает не только «Советский спорт», но и «Пионерскую правду».

Марийка уже не казалась Григорию Кузьмичу такой милой и очаровательной, как прежде. Наоборот, он раза два назвал уже ее про себя и Бабой-Ягой и ведьмой. А за что? Он же сам ратовал за откровенный разговор между друзьями! Разве не он собирался убрать рампу из Московского дома актера, чтобы она не мешала работникам искусств вести друг с другом нелицеприятную беседу? Такая беседа только-только началась, а ему уже стало не по себе. И было от чего. Григорий Кузьмич много лет не творил, не дерзал в театре. Бывший Гамлет обленился, успокоился. Он превратил кресло худрука в этакий творческий «самосон». Этот худрук все заботы по театру переложил на своих помощников.

«Люди они хоть и малоталантливые, но зато осторожные, не подведут». Сам же Григорий Кузьмич занимался главным образом представительством. Он был членом трех каких-то комиссий и четырех каких-то правлений. В этих комиссиях рядом с Григорием Кузьмичом можно было увидеть кинорежиссера, который уже лет десять не ставил фильмов, архитектора, забывшего, когда он в последний раз подходил к чертежной доске, доктора наук, прекрасно говорящего о науке и ничего ей, к сожалению, не дающего.

Вместо того, чтобы выступать в новых ролях, ставить новые спектакли, снимать фильмы, писать книги, эти люди занимались главным образом «взаимным ласкательством».

— Дорогой и высокочтимый...

Григорию Кузьмичу взять бы и поблагодарить Марийку за откровенный разговор, за то, что она бросила камень в стоячую воду и заставила главного режиссера задуматься над тем, над чем он разучился думать. А главный сидел и злился.

Оба соседа — и Шандор и Иштван — давно поняли, что гостю неловко продолжать разговор о своем театре, что гость с удовольствием возобновил бы беседу о «Бахчисарайском фонтане» или Большом зале консерватории... Но что делать? Их молодая соседка никак не шла навстречу этим желаниям. Она мило улыбалась и продолжала задавать свои сто тысяч «почему?».

— Почему ваш театр плохо выдвигает молодых актеров? Почему вы мало ставите современных пьес?..

И только когда часы стали бить двенадцать, Марийка спохватилась и сказала:

— Мне пора. До свидания!

Григорий Кузьмич тоже поднялся. Ох, с каким удовольствием он высказал бы сейчас все, что думал об этой несносной девчонке! Но девчонка была хоть и Маша, да не наша. И Григорий Кузьмич должен был не отчитывать ее, а галантно проводить до дома. На вешалке заслуженный деятель состроил на своем лице нечто вроде улыбки и спросил Марийку:

— Где вы научились так прекрасно говорить по-русски?

— Как где? В Москве.

— Вы давно оттуда?

— В одно время с вами. Неужто не узнаете? Мы же всю дорогу ехали вместе в одном поезде. Вы в международном вагоне, я в купированном.

— Как, значит, вы не переводчица, не жена товарища Шандора?

— С чего вы взяли? Я артистка вашего театра.

— Моего?..

На лице Григория Кузьмича улыбки как не бывало. Он побагровел и спросил:

— Так какого черта вы донимали меня своими дурацкими вопросами? Заставляли краснеть перед коллегами? Неужели вы не могли устроить мне эту выволочку дома, в Москве?

— Выволочку! Но каким же это образом? С начинающими артистами вы никогда не разговариваете. Раза два я пыталась встретиться, побеседовать с вами в Доме искусств, и оба раза вы сидели вдали от публики, на сцене в президиуме. Спасибо «Интуристу», если бы не он, нам и сегодня не удалось бы поговорить друг с другом. Только вы не сердитесь, пожалуйста, на меня за откровенность. Это же от чистого сердца,— сказала Марийка и, мило улыбнувшись, вышла на улицу.

Праздничный подарок

Джордже БОГОЕВИЧ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Вот что вчера случилось.

Папа получил заработную плату, взял маму под руку, и они отправились в город.

Праздник ведь, давайте повеселимся, а семейный бюджет после как-нибудь отрегулируем.

Папа по этому случаю по-рыцарски открыл свой бумажник, и накупили они всякой всячины.

Наконец они зашли в магазин детских игрушек, чтоб для своего сына, школьника Мичи, купить какой-нибудь подарок. И у него ведь праздник, пусть ребенок порадуется.

В магазине папа лихо сказал продавцу:

— Дайте автомобиль заводной, чтоб сам ходил. Давно уж я собираюсь купить его сыну, да все денег не было. А сейчас, черт возьми, давай его сюда, сколько бы он ни стоил!

И они купили автомобильчик. Хорошая вещица, раскрашен и даже с номером, зарегистрирован, так сказать,— значит, и автоинспекция не придерется. Ха-ха-ха, вот Мича-то обрадуется!..

Когда они пришли домой, папа еще в дверях закричал:

— Мича, сюда, разбойник ты этакий, посмотри только, что мы тебе купили!

На этот громоподобный зов прилетел Мича, словно им выстрелили из рогатки, и стал отплясывать вокруг отца.

— Дай посмотреть, дай посмотреть!

Папа, победно глядя на маму, медленно развязывал сверток.

— Автомобиль! — Мича взвизгнул и в восторге начал прыгать по комнате, точно на него напали осы, а мама с папой в это время млели от блаженства.

— Да ты только посмотри, как он сам пойдет! — сказала мама, выхватила машину из папиных рук и стала ее заводить.

— Сюда, сюда пускай его! — закричал папа и начал быстро раздвигать стулья.

Мама опустилась на колени, поставила автомобиль на пол. Он затарахтел, пошел сначала прямо, потом свернул вправо и ударился о ножку стола.

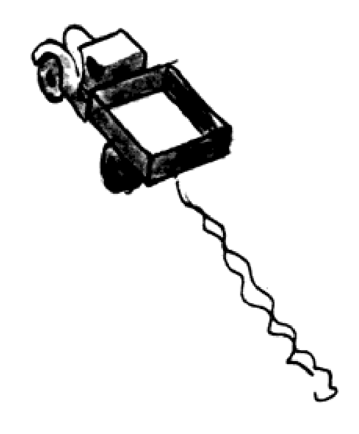
— Эх, и нескладная же ты! — сказал папа.— Дай сюда, смотри, как надо!

Он взял автомобиль, присел и пустил его.

Машина пошла, но запуталась в маминой юбке.

— Да поднимись же ты, ишь, распустила юбку по полу! — закричал папа.

А мама, сверкая глазами, схватила машину и сейчас же пустила ее в противоположном направлении. Автомобиль подпрыгнул, рванулся с места, ударился о стул, устремился к папе. Папа быстро отскочил в сторону, а машина, подняв пыль, ушла под шкаф.

Мама восторженно всплеснула руками и засмеялась. Папа лег на живот и, тяжело дыша, стал вытаскивать автомобиль из-под шкафа. Мича стоял над ним и просил:

— Папа, дай теперь мне немножко поиграть!

— Подожди, сначала тебе папа покажет, как это нужно делать.

Он опять завел пружину и пустил автомобильчик.

— Смотри, как он сейчас помчится.

Папа и мама добросовестно трудились, чтоб показать Миче, как хороша новая игрушка. Мича бегал от одного к другому и клянчил:

— Дайте мне немножко поиграть!..

А потом Мича устал от беготни. Он отошел в уголок, засунул палец в нос и печально глядел, как играли мама с папой.

— Ой, до чего же хорош! — хлопала в ладоши мама.

— Ха-ха, а ты видишь, как он несется? — громко смеясь, говорил папа.

Они бегали за автомобильчиком, толкались, вырывали его друг у друга, горящими глазами смотрели, как он, тарахтя, пролетал по комнате.

О Миче они совсем забыли.

В это время на улице Мича гонял тряпичный мяч и хвастал друзьям:

— А мне подарили автомобиль, ага!

Перевела с сербского
И. ПЕТРОВА.

Крот и его ход

Литературно-критическая басня

Чудес немало есть на свете,
И, ежели молва не врет,
Порой и Заяц на банкете
И держит речь и водку пьет...

А тут решился тиснуть Крот
Статейку про Бобров в газете.
Зачем? Да кто ж там разберет!
Затем одним, всего вернее,
Чтоб все решили:
вот, мол, Крот
и слеп,
а все Бобров умнее!

Как водится, сначала он
С цитат надежных взял разгон,
С того, что Лев сказал когда-то
И в дневниках писал Медведь,
Потом прибавил, что иметь
К любым делам сноровку надо,
Что надо бить не в глаз, а в бровь
Усильем мысли кропотливой...
А там —
пошел стегать крапивой,
Пошел отчитывать Бобров:
У вас, мол, все изъян да брак,
Просчет у вас в любой работе,
Мол, к дереву не так идете,
Не так,
не там его грызете
и в целом валите не так,
Что посмеется вся Европа,
На этот глядя произвол:
По правилам, мол, надо ствол
Не грызть,
а снизу брать,
с подкопа!
Что и плотин прошла пора
И возле речки жить не в моде,
А в моде —
прямо в огороде
сугубо личная нора!..

Мораль? Ее покамест нету,
Но разглашу секрет для вас:
Крот
отволок статью в газету
И взял
под новую
аванс!

Н. ГРИБАЧЕВ

Эпиграммы

Прямая логика

Кому таланта не хватает,
Тот у талантливых хватает.

От нужды в репертуаре

Сам кряхтит, а рифму мечет,
Льет над скетчем горький пот...
Нужда пляшет, нужда скетчит,
Нужда песенки калечит
(а Музгиз их издает!).

Ходкая пошлость

Бранили пьесу: мол, пошла,
А пьеса... все-таки **пошла...**

Нерешительный

Он скажет слово «за»
И кается...
Он постоянно
За-икается!

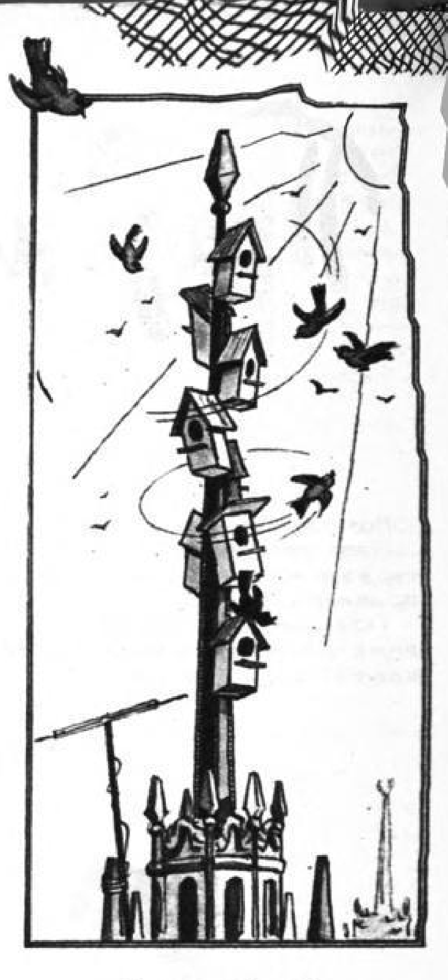
Эмиль КРОТКИЙ

Весенняя выставка

Переходи улицу в специально отведенных местах.
Из правил уличного движения.

Ю. Черепанов.

В высотный дом!
В. Соловьев.

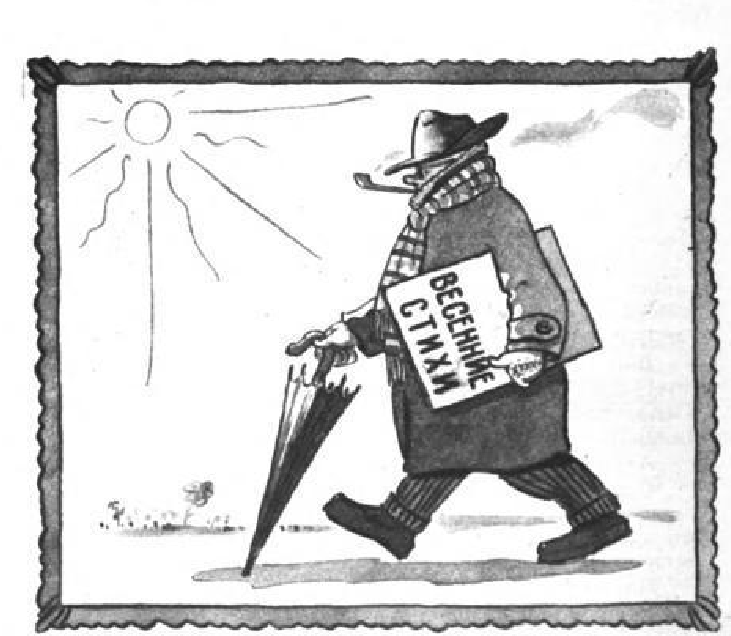

«Стрелочник» виноват...

Е. Гуров.

В. Соловьев.

Вот так он и отдыхал. В. Чижиков.

К ЗАПРЕЩЕНИЮ ВЕСЕННЕЯ ОХОТЫ

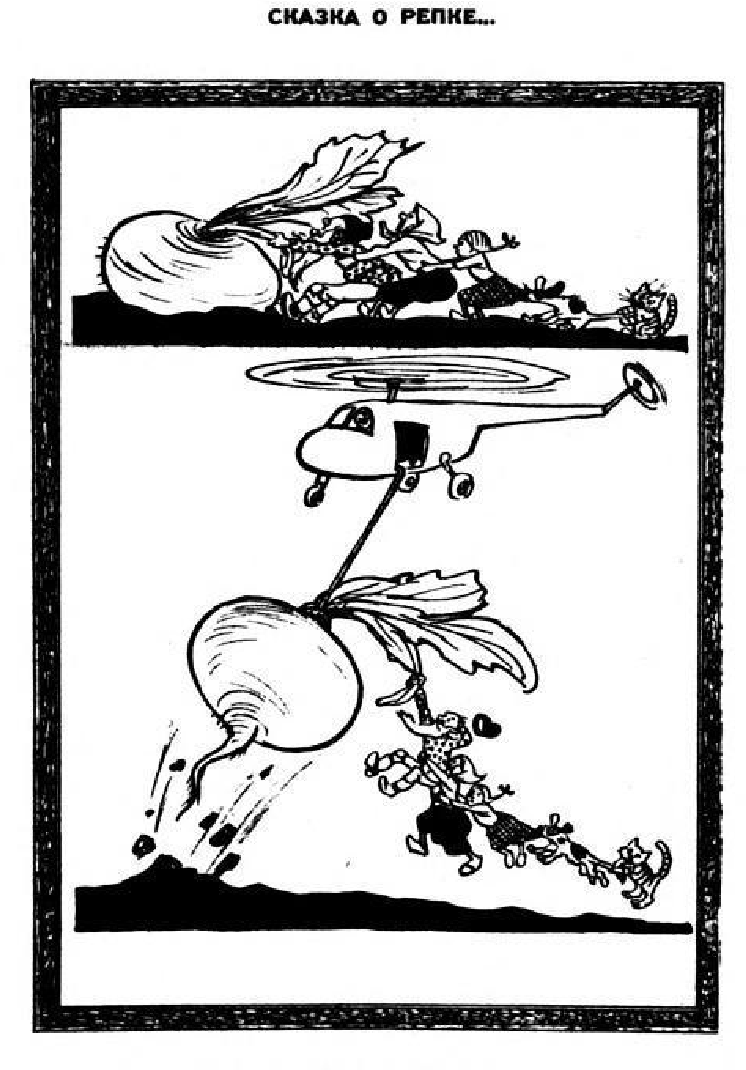

Браконьера поймали... Ю. Федоров.

Средство от веснушек. Е. Горохов.

СКАЗКА О РЕПКЕ...

...и ее современное продолжение. И. Семенов.
По теме читателя Р. Киселя. Минск.

ОБИДЕЛИСЬ.

РЫБОЛОВЫ: — А почему для нас ничего нет?! Ю. Увбяков.

Первые пять минут жизни

На инкубаторной станции в селении Угржиневес, близ Праги, еженедельно выводится 10 тысяч цыплят. Станция снабжает молодняком Единые сельскохозяйственные кооперативы всего района.

На снимках: цыпленок впервые видит свет; через несколько минут после рождения.

Фото ЧТА.

Зеленые облака

Река унесла последние льдины, сошел снег, наступила самая лучшая пора весны — пора пробуждения, время молодой травы и раскрывающихся почек.

Лес еще бурый, корявые стволы отходят от сырости, сквозь путаницу голых ветвей и сучьев робко голубеет небо. Пропорхнет лимонница, совсем рядом прошуршит в прошлогодней листве лягушка. Она только что проснулась, вылезла из зимнего тайника и одурела от весеннего воздуха. Может быть, даже у нее кружится голова, она тяжело дышит и, опираясь на задние лапки, не прыгает, а медленно ползет.

В лесу просторно и все полно ожидания. Как исчезающий зимний сон, тает легкий туман. Уже поют птицы, но в неодетом лесу кажется, что они только еще пробуют и настраивают свои голоса. Многих певцов и в том числе самого главного еще нет. Где-то стучит дятел, как будто там, за деревьями, приколачивают последние декорации.

Среди бурых стволов, над бурой землей в один действительно прекрасный день облачком зеленого дыма начинает зеленеть черемуха. Когда упадет луч солнца, все облачко празднично светится, сияет необыкновенной свежестью, сверкает своей зеленью.

С каждым днем таких облачков становится больше. Как виденья, они возникают то здесь, то там. Суровый лес молодеет. Распускаются рябина, березы, клен. Прозрачные, легкие облачка сгущаются, растут, превращаются в облака, сливаются друг с другом, и вот уж над головой шумит одно огромное зеленое облако, сквозь которое с трудом проникают солнечные лучи.

Лес одевается не спеша. От распускания почек черемухи до того, как на липе покажутся наконец похожие на изумрудные копеечки круглые листочки, проходит недели три.

Едва зеленый дым начнет заволакивать лесные дали, прилетает кукушка. «Пернатый царь лесных певцов», по народным наблюдениям, возвращается к тому времени, когда может напиться росы из зеленой рюмочки распускающегося березового листа. В числе последних прилетает золотая с черным иволга, флейта птичьего оркестра. Впрочем, она не только поет флейтой, но и кричит кошкой. Там, где гнездится не одна пара этих птиц, похоже, что вершины зеленого облака населены крылатыми кошками.

Шумит зеленое облако, окутывая лес, а в облаке кричат и поют птицы, строят гнезда и выводят птенцов. Теперь они все в сборе. Весна достигла своего расцвета.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД-РАЕШНИК

В. Гранов, С. Егоров, М. Пустынин

По горизонтали:

3. Певец, всем хорошо известный, весну встречает в синеве небесной. 6. Иной спесивый начальник уверен, что он такая сила, пред которой меркнет это светило. 8. Она и он. Весна. Любовный лепет. Сквозь трепет листьев слышен сердца ...... 9. Она у детских песенников в почете, в ближайшем лесу ее найдете. 10. В неважных очерках часто встречается, эпитетом «важная» сопровождается. 11. В тягучей лекции от него такой скукой веет, что слушатель стонет: конец бы скорее! 12. В статье так много водянистых фраз, что плавай в них хоть стилем ..... 14. Полустатуя. Если в нее вложено мало чувства, то ее можно назвать: «полуискусство». 16. Зачастую содержит такую поэзии дозу, что напоминает дурную прозу. 17. Несет он тающий лед и теплую весть, что весна идет. 18. Шумит-бежит воды поток, в себе таит электроток. 21. В ином колхозе ее встречают довольно странно: «Уже пришла? Так рано?!» 25. Обязательство дали: к трем нормам придти, ну, а после того — хоть ..... не расти! 27. Снимая ее, дачник удивленный вынужден платить за воздух даже не остекленный. 28. Немало воды имеется в нем, да не везде заселяют его щукой и линем. 30. Ставится на стройплощадке, а потом — получается многоэтажный дом. 33. Место в стене, в которое, открывая матч, ребята запускают футбольный мяч. 34. Прогуляться есть резон, чтоб вдыхать сплошной .... 35. Лечебница на воде, где яхты, моторки и байдарки получают компрессы и припарки. 37. Подушка. Необходима не только дома, но и в иных учреждениях в ожидании приема. 38. Частенько не лишена чудес: обещает «Вишневый сад», а театр показывает «Лес». 39. Сулили критики писателю ...., а он увял в расцвете лет.

По вертикали:

1. С тех пор, как свет стоит, апрель всегда рифмуется с...... 2. Часто сравнивается с болтуном, но разница между ними в одном: первый освежает, а второй иссушает. 4. Вид спорта. В отличие от футбола, как вы знаете сами, здесь работают исключительно руками. 5. Род судна. На нем вы отдохнете чудно, но достать билет на это судно трудно. 7. Как дома, так и в ресторане он любит жариться в сметане. 12. Цветок в перспективе. Перспективы неважные, если цветы бумажные. 13. Встречается в воде газированной и в повести лакированной. 15. Она протоптана не к одному поэту, а памятников им все нету. 16. Он иным родителям страшен и в знойный день и в крепкий мороз; от него сердобольные мамаши и папаши спасают деток-мимоз. 19. Псевдоним сумки, покупателя спутник верный, с ним вы не раз шагали, наверно. 20. Радостное весеннее зрелище, не пройдете мимо: куда интереснее, чем в цирке водяная пантомима. 22. Место, куда попадают пальцем составители прогнозов по поводу предстоящих дождей, жары или морозов. 23. Был он слышен то в одном театре, то в другом, а ныне редким стал аплодисментов .... 24. Озелененная территория, где, снедаемые скукой зеленой, годами ждут люди программы аттракционной. 26. Легка разгадка: для соловья эстрадная площадка. 28. Закаляют нас всегда солнце, ..., и вода. 29. Ее переживает в театре завлит, где комедий большой дефицит. 31. Актер, верящий, что выступит, наконец, в комической роли, в которой будет много перцу и соли. 32. В своих трудах Бетховен к ней не был хладнокровен. 35. О нем мечтают дни и ночи, до пережогов жарясь в Сочи. 36. Сочетание звуков такое, в котором что-то слышится чужое.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 17

По горизонтали:

5. Братск. 6. Мурава. 7. Знание. 8. Долина. 11. Радость. 13. Футбол. 14. Брикет. 15. Криптон. 18. Целина. 19. Сводка. 20. Сосуществование. 21. Виндроуэр. 27. Континент. 29. Рысак. 30. Боксит. 31. Объект. 32. Конструктор.

По вертикали:

1. Грандиозность. 2. Истина. 3. Курорт. 4. Авансирование. 9. Компост. 10. Ручей. 12. Ветка. 16. Рубеж. 17. Октод. 20. Сирень. 21. Енисей. 22. «Мирный». 23. Рюкзак. 24. Позитрон. 25. Атомоход. 26. Верба. 28. Театр.

На восьми страницах цветных вкладок этого номера напечатаны работы художников Чэнь Чжи-фо (Китай), Сашила Саркара (Индия), В. Арлашина (СССР), Я. Блашки (Венгрия), Е. Томова и Н. Злътева (Болгария), С. Шумановича (Югославия), В. Закшевского (Польша) и В. Титтельбаха (Чехословакия).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05802. Подп. к печ. 24/IV 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 366. Заказ № 1045. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Песня братства

Слова Алексея СУРКОВА
Музыка М. ТАБАЧНИКОВА

К водам Ганга от Алтая,
От седых вершин Памира
Мчится, выше туч взлетая,
Песня, белый голубь мира.

Песня эта — эстафета
Чистых чувств, тепла и света,
В ней звенит ручьями май.
Хинди, руси — бхай, бхай!

Из любой далекой дали
К дружбе путь найдут народы,
Если в добрый час познали
Радость добытой свободы.

Общей ясной цели сила
Нашу дружбу окрылила.
Руку брату, брат, подай!
Хинди, руси — бхай, бхай!

Жар любви даря отчизне,
Мы недаром рядом встали.
Воля к миру, воля к жизни
Нас навечно побратали.

— Миру мир! —
к высокой цели
Всех зовут Москва и Дели,
И гремит из края в край:
— Хинди, руси — бхай, бхай!

Дворец президента Индии «Раштрапати Бхаван» в Дели.

Цена номера 3 руб.

